«Гроза» против «Барбароссы»

Автор:
Александр Михайловский

«Гроза» против «Барбароссы»

Александр Борисович Михайловский

Александр Петрович Харников

Операция «Гроза плюс» #1

22 июня 1941 года стало черным днем нашей истории. В этот день гитлеровская Германия вероломно напала на СССР, начав Великую Отечественную войну. А что могло бы произойти, если бы Советский Союз был полностью готов к отражению этого нападения и нанесению агрессору ответного удара, потому что помощь ему оказала бы нынешняя Российская Федерация?

Что необходимо сделать, чтобы предотвратить трагедию 22 июня? Президент России и Сталин встречаются и заключают договор о взаимопомощи. Солдаты и офицеры Российской армии в составе Экспедиционного корпуса готовятся вместе со своими предками встретить нападение Германии на СССР. Маршал Шапошников в Москве возлагает цветы к Могиле Неизвестного солдата…

Что же все-таки произойдет 22 июня 1941 года в новой реальности? Каким путем пойдет мировая история, и как быстро объединенные силы Страны Советов и Российской Федерации победят Третий рейх и его сателлитов? Ответы на эти вопросы можно найти в книгах нового цикла «Операция Гроза-плюс».

Александр Михайловский, Александр Харников

«Гроза» против «Барбароссы»

Пролог

22 июня 1941 года, 03:25, Белорусская ССР, советско-германская граница.

В час, когда зарозовевший восток уже осветил заревом полнеба, на еще темной западной стороне послышался заунывный вой сотен авиационных моторов. В этот предрассветный час, лежащий между самой короткой ночью и самым длинным днем, люфтваффе начало свой Великий поход на восток за жизненным пространством и поместьями с сотнями послушных славянских рабов. Два часа назад пилотам, штурманам и стрелкам, героям бомбовых ударов по Варшаве, Роттердаму и Лондону, был зачитан приказ фюрера о нападении на СССР. Время, ранее называемое «мирным», стремительно уходило в прошлое, а взамен мира на Страну Советов с тяжелым лязгом гулом и воем накатывалась война.

Первыми советско-германскую границу на большой высоте пересекло несколько десятков бомбардировщиков Ю-88. Приглушив моторы, они со снижением направились в глубину советской территории – к стратегическим аэродромам, армейским складам и окружным командным пунктам РККА. А вслед за ними, завывая на все голоса ЮМО-вскими и БМВ-шными моторами, тупо перлось дюралевое стадо из сотен «юнкерсов», «хейнкелей», «дорнье»… «Мессершмитты» из истребительных эскадр должны были взлететь позже, чтобы поддержать свои бомбардировщики во время второго и последующего налетов. Так решили в штабах люфтваффе. Еще не упала ни одна бомба, не прозвучал ни один выстрел, а война уже пришла в миллионы советских домов.

Внешне все походило на другие бесчисленные варианты истории, в которых гитлеровская Германия летом сорок первого года в разные сроки, под разными предлогами и с разной степенью вероломства внезапно нападала на СССР. Исход же всегда был один – победа вермахта в приграничном сражении, присоединение СССР к антигитлеровскому Альянсу и затяжная война разной степени продолжительности, кончавшаяся разгромом вермахта. Союзники могли провести свою историческую встречу на Висле, Одере, Эльбе, Рейне или даже Сене, но исход всегда был примерно один. Вслед за Рузвельтом в Америке к власти приходил Трумен, вслед за Второй мировой следовала Холодная война… и все начинался сначала.

В этот же раз все было совсем не так. Страна, лежащая на востоке, только притворялась спящей. Вчера вечером по войскам судорогой прошел сигнал «Гроза» – и советские солдаты, измученные бесконечными учениями, стрельбами и марш-бросками (чего не было в других вариантах истории) наконец отошли в пункты постоянной дислокации. Там они сходили в баню, получив там чистое нательное белье и новую форму «образца сорок первого года», а затем посетили клуб, где посмотрели кино (во всех ротах, эскадронах, батареях и эскадрильях одинаковое – «Обыкновенный фашизм»).

В двадцать два ноль-ноль на всем протяжении приграничных округов – от Мурманска, до Одессы – прозвучала команда «Боевая тревога». В течение ночи, до самого рассвета, части РККА занимали назначенные им для прикрытия участки советско-германской, советско-финской, советско-венгерской и советско-румынской границ, пополняя и усиливая заранее выдвинутые вперед специально созданные артпульбаты.

К Бресту, Августову, Граево, Гродно и Алитусу по лесным дорогам ночью выдвинулись взявшиеся как бы ниоткуда механизированные и мотострелковые бригады особого назначения, непривычно экипированные и до зубов вооруженные несвойственным для РККА оружием.

В штабе Западного ОВО бился в беззвучной истерике с кляпом во рту примотанный скотчем к стулу генерал армии Павлов. Люди, внезапно оккупировавшие его святая святых, совершенно не разделяли его идей и страхов, и со всей серьезностью готовились «отразить» и «уничтожить» самую могущественнейшую армию в мире. В ночь с двадцать первого на двадцать второе июня в Минск прибыл представитель недавно организованной Ставки Верховного Главнокомандования, генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия, призванный координировать действия РККА на Западном стратегическом направлении. Действия РККА на юго-западном направлении из Киева должен был координировать еще один Представитель Ставки народный комиссар государственного контроля Лев Захарович Мехлис.

Сам товарищ Сталин в эту ночь не поехал на ближнюю дачу, а остался в своем кремлевском кабинете. Американские телефоны ВЧ на его рабочем столе застыли в ожидании, обеспечивая прямую связь с Мурманском, Ленинградом, Таллином, Минском, Киевом, Севастополем. Такая же напряженная тишина стояла и в кремлевском кабинете Вождя.

Когда утомленные ночным маршем красноармейцы, кое-как прикорнувшие в окопах, проснулись от гула пролетающих в вышине самолетов, на столе у Верховного зазвонил телефон, на корпус которого прозрачной лентой была приклеена бумажка с надписью «Минск».

– Все-таки напал, мерзавец… – сказал Сталин, выслушав рапорт лучшего менеджера всех времен и народов. – Лаврентий, передай там товарищам, чтоб начинали. Пора.

Не успел положить трубку Берия, как последовал звонок из Киева: рапорт Мехлиса в точности повторял донесения из Минска. Немецкая авиация пересекла границу, вражеская артиллерия ведет огонь по погранзаставам, казармам, складам и аэродромам. Потерь нет, поскольку личный состав, техника, вооружение заблаговременно были перемещены в запасные районы, а боеприпасы, ГСМ и прочее имущество розданы в войска.

Мехлис еще докладывал Сталину, а с КП в Минске вышла на связь радиостанция, работающая на еще не освоенных немцами диапазонах: «Всем кто меня слышит, я Эльбрус! Гроза! Гроза! Гроза!»

По этой команде на взлет пошли истребители Западного и Юго-Западного стратегических направлений, а также истребители 1-й воздушной армии ОСНАЗ, дислоцированные на недавно оборудованных полевых аэродромах в районе Минск-Барановичи, а советская артиллерия открыла шквальный ответный огонь по немецким огневым позициям, форсирующим границу войскам и исходным рубежам, забитым солдатами и техникой. На не ожидающих ничего подобного Теодоров, Гансов, Густавов и Михелей обрушился огневой шквал невиданной силы. Орудий калибра 76-мм и выше в Западном и Киевском ОВО было много. В нашем прошлом для захваченных в трофеи гаубиц М-30 и МЛ-20, принятых на вооружение вермахта под обозначениями 12,2cm s.F.H.396(r) и 15,2cm KH.433/1(r), немцы даже развернули собственное производство боеприпасов. Трофейная 76-мм дивизионная пушка Ф-22 для вермахта массово переделывалась в противотанковую пушку Pak-36, имевшую у наших танкистов прозвище «Гадюка».

В ТОТ РАЗ противник был в одном месте, орудия в другом, тягловая сила, лошади и трактора в третьем, а боеприпасы в четвертом. ТЕПЕРЬ же все сошлось в одном месте, и вермахт, уже изготовившийся к рывку на восток, в полной мере испытал на своей шкуре огненный кулак советских батарей.

Пока передовые роты немецкой пехоты под шквальным пулеметно-артиллерийским огнем пытались форсировать приграничные реки, на позиции их артиллерии, исходные рубежи атаки и запасные позиции обрушился настоящий огненный град. Все снаряды, что генерал Павлов скопил в приграничных районах для их последующей сдачи «европейским освободителям», сейчас падали на их головы, так сказать, в натуральной форме.

Минут через пять непрерывным огнем кипела уже вся граница – от Лиепаи до Перемышля и от Измаила до Черновцов. Приграничное сражение, ставшее началом конца Третьего рейха, набирало обороты. В ОКХ пока еще никто ничего не понял. Германское командование лихорадочно бросало в топку предназначенные для развития успеха резервы, стремясь сломить неожиданное сопротивление, выйти на оперативный простор и наверстать неожиданно упущенные часы и минуты. Бараны радостно бодали нарисованные на сплошной каменной стене красивые новые ворота.

Пока немецкие сухопутные войска пытались хоть как-то привыкнуть к тому факту, что внезапного нападения не получилось, и воевать с русскими теперь придется по-взрослому, перед асами люфтваффе в лучах восходящего солнца появились многочисленные черные точки. Небо прочертили пушистые белые следы самонаводящихся реактивных снарядов, а еще через несколько минут на идущие без истребительного прикрытия бомбардировщики 2-го и частично 1-го воздушного флота, действующих сейчас в интересах группы армий Центр, внезапно обрушилось до тысячи новейших радиофицированных пушечных истребителей И-182 с опытными облетанными экспертами в кабинах. В утреннем белорусском небе началась настоящая бойня.

В тот момент, сгорающим в пламени бензина и дюраля асам люфтваффе, отчаянно сражающимся даже не за победу, а за выживание, было не понять, откуда у русских столько неизвестных (несомненно, самых современных) самолетов, откуда столько опытных пилотов с боевым опытом и кто надоумил их ставить на свои истребители пушки вместо пулеметов; что это за реактивные снаряды, попадающие прямо в моторы «Хейнкелей» и «Юнкерсов»…

Чтобы ответить на этот вопрос, надо отчасти вернуться на десять с половиной месяцев назад, а отчасти перенестись в иное время и иную реальность. Эта история началась не здесь и не сейчас…

Часть 1

Трудное решение

11 января 2017 года, 10:15, Российская Федерация, Республика Коми, бывший аэродром стратегической авиации Нижняя Потьма, испытательный полигон ГНКЦ «Позитрон», бывший подземный ангар для бомбардировщиков.

Мела метель. На улице еще стояла тьма. В январе на этой широте светает где-то около полудня, а к трем часам дня уже смеркается. Люди, три с половиной года живущие и работающие в этом глухом уголке России в зимнее, да и в летнее время, уже привыкли не обращать внимания на восходы и закаты и жить по своему рабочему календарю.

Сейчас, в помещении, некогда служившем подземным ангаром для бомбардировщиков Ту-22М-2, вокруг готовой к запуску установки собралась вся команда ее создателей. Сама темпоральная камера двух с половиной метровой ширины, высоты и толщины была смонтирована на поверхности, километрах в полутора от ангара, и была ограждена массивным кубом из толстого бронестекла. Десять камер вели постоянную съемку всего, происходило внутри куба, а также состояния внешнего оборудования. Кроме того, пространство внутри камеры было напичкано десятками датчиков температуры, давления, жесткого излучения, влажности. Среди разработчиков ходило мнение, что если чуть по-другому интерпретировать первоначальные расчеты, то прокол мог быть не вневременным, а внепространственным. Это, конечно, тоже интересно, но в таком случае неизвестно, куда откроется канал, которым еще не научились управлять: в межзвездный вакуум (что вероятнее всего), на дно океана или в недра звезды.

Генеральный конструктор ГНКЦ «Позитрон» Сергей Витальевич Зайцев перед запуском от волнения не мог найти себе места. Он все время протирал платком очки, мерил шагами помещение ангара, обогреваемого гудящими тепловыми пушками. Все предыдущие варианты установок были повторением пройденного еще в советское время, во времена его молодости, и могли вызвать только ослабление пространственно-временной структуры, которое, правда, уже регистрировалось приборами. Но и только. А руководство требовало конкретной отдачи от двух миллиардов рублей, уже вложенных в исследования. И ведь

скажи простым городским обывателям, поклонникам Навального и Ксюши Собчак, на что были потрачены эти деньги, так сразу поднимется поросячий визг об откатах, попилах, воровстве и казнокрадстве…

Присутствующий при этих испытаниях полковник ФСБ Павел Павлович Одинцов, известный в определенных кругах просто как Пал Палыч, курировал ГНКЦ «Позитрон» от Администрации Президента и был человеком обстоятельным и по-своему дотошным. Именно его заслугой был этот научный городок, с удобством разместившийся на заброшенной дальней авиабазе, что гарантировало отсутствие поблизости «борцов с коррупцией» и «иностранных шпионов». Впрочем, зачастую борцы с коррупцией (а также за экологию) не брезговали подрабатывать шпионажем, а профессиональные шпионы яростно боролись за сохранение живой природы и чистоту рядов российского чиновничества. Главным для них было, чтобы их деятельность шла на пользу основному заокеанскому бенефициару, а заодно и хорошо оплачивалась. Благодаря этим «борцунам» за демократию родное государство и было вынуждено загнать команду исследователей туда, куда Макар телят не гонял. Правда, при этом их хорошо обеспечили всем необходимым для проживания хоть в центре Москвы, хоть на необитаемом острове, хоть на иной планете. А наличие взлетно-посадочной полосы позволяло принимать военно-транспортные самолеты со снабжением. Поговаривали даже, что в случае успеха, как уже было в прошлые годы, Сам может лично тайком прилететь сюда на персональном истребителе.

Но все когда-нибудь кончается, и четвертый вариант установки наконец был собран, испытан на холостых прогонах и, кажется, был готов выдать результат.

У компьютера, управляющего темпоральной установкой, сидит начальник испытательной службы Михеев Александр Владимирович, правая рука профессора Зайцева. В углу, в тени, неподвижной статуей застыла Ольга Александровна Кокоринцева, она же – «Большая О», она же – начальник лаборатории математических методов. Тут же – худощавый, по-татарски резкий и злой, начальник группы монтажа, Зиганшин Назир Турсунович. И эта установка, и три ее более ранних версии собраны его руками, и руками его инженеров и техников, которые тоже должны получить свою минуту славы – и сейчас они стояли, выстроившись вдоль стен.

В ангаре – полная тишина, слышно лишь, как натужное гудят силовые трансформаторы за перегородкой, и как в соседнем ангаре отчаянно воют мощные дизельные генераторы, перегоняя солярку в мегаватты.

– Александр Владимирович, – сказал профессор Зайцев, нервно потирая руки, – будьте добры – дайте, пожалуйста, рабочее напряжение на эмиттеры.

– Готово, Сергей Витальевич, – отозвался тот, – потребляемая мощность холостого хода в норме, ионизация воздуха в темпоральной камере в норме, темпоральная камера герметична.

– На какое давление вы ее испытывали? – спросил стоящий за спиной Михеева Одинцов.

– На две с половиной атмосферы, Павел Павлович, – ответил Михеев, – для попадания зоны перехода в вакуум этого вполне достаточно, ну а в случае открытия в воде на большой глубине установка просто отключится.

Полковник Одинцов кивнул и, по-байроновски сложив руки на груди, посмотрел на профессора Зайцева.

– Начинайте, Сергей Витальевич.

Тот поднял голову и оставил, наконец, в покое свои очки.

– Александр Владимирович, поднимайте частоту, – сказал он своему помощнику, – и следите за потребляемой мощностью.

Гудение трансформаторов изменило тон, а профессор повернулся к полковнику Одинцову.

– По предварительным расчетам, у нас там должно быть несколько окон, хотелось бы только знать, куда, – сказал он.

В левом нижнем углу дисплея замелькали, сменяя друг друга, цифры, а слева направо побежала тонкая черная линия – прямая, как кардиограмма покойника. Вдруг трансформаторы за стеной на мгновенье изменили частоту гудения, на экранах мониторов, куда подавался сигнал с камер наблюдения, промелькнула вспышка, а бегущая по дисплею линия молнией метнулась вверх и тут же упала обратно.

– Пробой, ей-Богу, пробой, Александр Владимирович! – воскликнул профессор Зайцев. – Назад, давайте скорее назад! Наверное, тут нужна более тонкая настройка. Попробуйте переключиться на ручной режим….

– Минуточку! – Сжав зубы, начальник испытательной службы хлопнул по клавише «пауза», потом осторожно застучал по кнопке «влево», пытаясь нащупать ускользнувшую частоту.

Минуты через две его усилия увенчались успехом. Линия, указывающая на потребляемую мощность, опять поползла вверх, изменился и тон работы трансформаторов. Еще немного – и телевизионные мониторы посветлели, а потом на них установилась четкая и ясная картинка. Место все узнали сразу, недаром почти все согласно условиям контракта торчали здесь уже больше трех лет. Но, во-первых, на экранах, вместо редких огней в кромешной тьме, сиял яркий полдень, во-вторых, там стояло лето, в-третьих, аэродром был на на месте, но пребывал в запустении, как и до прибытия сюда позитроновцев.

Пал Палыч хрустнул суставами пальцев.

– Поздравляю, товарищи! Полк расформировали в девяносто втором, мы с вами приехали сюда поздней весной две тысячи четырнадцатого. Ваша машина определенно работает… – Кивнув, он подошел поближе к дисплеям. – Давайте, профессор, запишите эту, как его, частоту, и посмотрим, что у нас дальше…

Профессор цыкнул на зашумевших было техников, и склонился над дисплеем рядом с Михеевым. На этот раз на сканирование диапазона вместо пяти минут ушло примерно восемь. По ту сторону временного барьера снова была зима. Но вместо ночи воздух был пропитан синевой сумерек. И еще – аэродром не просто присутствовал на месте – он жил. Горели яркие посадочные огни на полосе, с диспетчерской вышки светили прожектора, заливая все вокруг призрачным неживым галогеновым светом.

Пал Палыч подкрутил на одном из мониторов ручку громкости, и в ангар ворвался заунывный вой прогреваемых авиационных турбин. Не успели присутствующие переглянуться, как по полосе с грохотом пошел на взлет бомбардировщик Ту-22.

Одинцов кивнул.

– Картина выглядит все интереснее. Аэродром был основан в 1956-м; первоначально полк был вооружен бомбардировщиками Ту-16, а в 1962-м их заменили на Ту-22, которые и стояли на вооружении до самого расформирования…

– Значит, вторая зона у нас где-то между 62-м и 92-м? – предположил Михеев.

– Правильно, – подтвердил Одинцов, – где-то между… Очень точный адрес. Давайте дальше …

А дальше, через тринадцать минут сканирования, в третьей зоне, был весенний лес безо всяких признаков аэродрома. Потом, еще через двадцать две минуты, в четвертой зоне, снова был точно такой же, но летний лес (впрочем, не точно такой же – снимки, сделанные с одного ракурса, показывали, что лес успел существенно измениться). Через тридцать семь минут сканирования, в пятой зоне, был еще один зимний лес, потом через час с лишним, в шестой зоне, снова была зима… Со времени начала эксперимента прошло уже три часа, и все изрядно утомились.

– Стоп, товарищ Михеев, – остановил Одинцов инженера, когда тот собрался запустить сканер в поисках седьмой зоны. – Скажите, ваши техники с работой поиска этих временных зон самостоятельно справиться смогут?

Вместо Михеева полковнику Одинцову ответил профессор Зайцев.

– Техникам оборудование доверить страшновато, а вот любой из инженеров испытательной службы, пожалуй, справится.

Одинцов вздохнул.

– Тогда Бог с ним, товарищи, не будем спешить. Сегодня у нас и так великий день. Выключайте свою машину, профессор, и пойдем все в мою контору. Есть разговор о будущем.

11 января 2017 года, 13:35, Российская Федерация, Республика Коми, бывший аэродром стратегической авиации Нижняя Потьма, испытательный полигон

ГНКЦ «Позитрон», здание бывшего штаба полка, кабинет куратора.

Итак, товарищи и некоторые господа, – сказал Одинцов, когда его гости расселись по стульям и диванам, – все вы молодцы, так что вам сегодня моя благодарность и рукопожатие перед строем. Теперь, как в КВНе, вам два вопроса для умных голов. Первый вопрос – как научиться точно определять время, в которое мы попали? И второй – что с этой вашей машиной делать? Кстати, о нобелевской премии по физике пока и не мечтайте, поскольку ваша машина есть наше самое тайное и мощное оружие. Кто же откажется раздавить паровоз еще тогда, когда он был чайником?

– Насчет нобелевки понятно, не очень-то и рассчитывали, – кивнул профессор Зайцев, протирая платком очки. – Что касается определения временного адреса, то в голову не приходит ничего, как выйти на улицу и спросить…

– Выйти и спросить – это, простите, по моей части, – поправил профессора Одинцов. – А я пока считаю такой экстрим преждевременным. Так что, дорогие мои, нужен научный метод.

Начальник испытательной службы на некоторое время задумался, потом сказал:

– Тогда, Павел Павлович, мы можем попробовать воспользоваться астрономическим методом.

– Астрономическим? – переспросил профессор Зайцев.

– Вот именно, – подтвердил Михеев. – Я где-то читал, что полная карта звездного неба никогда не повторяется, и, зная место и точное время снимка, вполне можно вычислить год и день.

– Значит, вам нужен астроном? – Одинцов задумался, потом кивнул. – Астронома найдем! Что еще?

– Переезжать отсюда надо, – вздохнула Ольга Кокоринцева, колыхнув необъятной грудью, – тут у нас триста двадцать дней в году пасмурные, и астроном ничего не увидит…

Глаза у Одинцова округлились.

– Куда переезжать?! Ваша машино-бандура занимает целый ангар, и секретна как десять манхэттенских проектов! Скажите, Ольга Александровна, а без переездов нельзя?

Тут Зайцев и Михеев переглянулись.

– Видите ли, Павел Павлович, – начал профессор, – этот вариант машины такой громоздкий из-за варьируемого кристалла, который нужен при сканировании. В полевой конструкции мы можем применить куда более простой метод со сменными картриджами, каждый из которых рассчитан на свой канал. Размеры машины при этом сильно уменьшится, а если перейти на питание от промышленной сети, то не понадобятся и генераторы.

– Понятно, – кивнул Одинцов, – это обнадеживает. Теперь три вопроса. Первый – в какой срок вы закончите этот свой полевой вариант? Второй – какие у него будут габариты? Третий – куда ехать за снимками неба?

Инженер Зиганшин откашлялся.

– Товарищ Одинцов, по первому вопросу я думаю, что мои ребята уложатся в три-четыре, максимум в десять дней. За основу мы сможем взять уже готовый второй неудачный вариант изделия, он у нас до сих пор не разобран. Необходимо только переделать его под сменные кристаллы и откалибровать. Что касается размеров… – Назир Турсунович задумался, – рассчитывайте на два КамАЗа. В кунге можно будет смонтировать саму машину, а в тентованном – перевозить темпоральную камеру и кабельное хозяйство. Если местность без промышленных сетей, то понадобятся еще две машины, одна с дизель-генератором, а другая с трансформатором…

Инженер Заганшин посмотрел на начальника испытательной службы и провел рукой по гладко выбритому подбородку.

– Только вот, Александр Владимирович, должен заметить, что для временных зон, расположенных в XX веке, астрономический метод явно избыточен, произнес он. – Достаточно ввести в темпоральную камеру антенну радиоприемника и прослушать местное радио… Хотя бы «Маяк», или что там в

это время есть. Сигналы точного времени транслируются с самого начала регулярного радиовещания. Это я вам говорю как специалист и краевед.

– Назир прав – это я, дура, сразу не догадалась… – сказала Кокоринцева и добавила: – астрономией лучше всего заниматься на югах – там, где триста солнечных дней в году, высокогорье, арбузы, хурма, а также попадаются и наши военные базы…

– Спасибо за совет, Ольга Александровна и Назир Турсунович, – кивнул полковник Одинцов, – Итак, товарищи, цели определены, задачи ясны – за работу!

13 января 2017 года, 09:05, Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации.

Утро было ясное, с морозцем. Президент только что вернулся с короткой лыжной прогулки. Несмотря на то, что годы брали свое, простые радости жизни по-прежнему его бодрили.

Но не успел глава государства выпить утреннюю чашечку кофе, как ему доложили, что со срочным докладом прибыл куратор ГНКЦ «Позитрон» полковник ФСБ Павел Павлович Одинцов. Об этом проекте Президент каждый раз вспоминал, внутренне содрогаясь. Четыре года назад он поддался временной слабости, и в порыве надежды на достижимость результата выделил деньги на этот проект, проведя их по статье «создание оружия на новых физических принципах».

Хорошо, что никто в Думе, или, не дай Бог, в несистемной оппозиции так и не пронюхал, на что именно пошло финансирование. А то позору было бы выше головы. Российская Федерация тратит бюджет на создание машины времени! Круче был бы только вечный двигатель.

Кстати, а что там такого срочного у товарища Одинцова? Этот зря не приедет: скрытен и самостоятелен настолько, что и ранее из-за наличия этих качеств считался наказанием для любого начальства. Но, умен, решителен и надежен – этого у него не отнять. Если надо будет подавить в Москве что-то вроде киевского майдана, то вызывайте Одинцова – сделает все в лучшем виде. По

методу товарища Геракла сгребет с московских улиц и площадей всю эту болотную перхоть: менеджеров по продажам, демократических журналистов, а также прочую прогрессивную общественность, и захоронит весь этот человеческий мусор на удаленном загородном полигоне. Чтоб другим неповадно было.

Входя в кабинет, президент подумал, что, наверное, у этого самого «Позитрона» закончились деньги и сейчас его, «товарища Президента», будут, что называется, откровенно «разводить»…

В таком сумрачном настроении глава государства и прошел свой кабинет, куда с минуты на минуту должны были пригласить нежданного гостя и старого боевого товарища.

Одинцов, как ни странно, находился в отличнейшем расположении духа. Крепко пожав Президенту руку, он поздоровался с тем небольшим оттенком фамильярности, который допускается при прошлой службе в одной конторе.

– Доброе утро, Владимир Владимирович, – сказал он, после чего на свет Божий появилась большая кожаная папка.

Гипотеза о выклянчивании дополнительного финансирования затрещала по швам. Владимир Владимирович очень хорошо знал полковника Одинцова. С таким выражением лица денег не просят. С таким выражением начальству готовятся предъявить отрубленную по самые уши голову злейшего врага…

Усевшись за свой знаменитый стол, заинтригованный Президент побарабанил пальцами по столу, чуть наклонил вбок голову, и заинтересованно спросил:

– Ну-с, Павел Павлович, чем порадуете?

В ответ Одинцов хитро улыбнулся и, раскрыв свою знаменитую папку, с небольшой хрипотцой в голосе произнес:

– Товарищ Президент, группой профессора Зайцева был достигнут полный успех! Я лично был этому свидетелем. Короче, Владимир Владимирович, за наши деньги мы имеем фундаментальный прорыв в науке, минимум три нобелевки и

большую проблему – что со всем этим делать дальше…

После такого заявления в кабинете наступила такая тишина, что стало слышно, как в углу жалуется на жизнь стойкая зимняя муха.

– Но давайте по порядку, – сказал полковник Одинцов. – Неудачи предыдущих экспериментов объяснялись тем, что временной барьер – это монолитная стена, в которой есть как бы узкие квантованные щели, ведущие в прошлое. Это стало понятно, когда профессор Зайцев и его сотрудники по результатам предыдущих неудачных экспериментов доработали свою математическую модель. Принцип работы последнего варианта установки основан на том, что она как бы ощупывает эту стену в поисках слабых мест, через которые можно прорваться в прошлое.

Не прекращая доклада, Павел Павлович извлек на свет несколько отличных цветных фотографий, явно снятых с одной точки и в одном направлении, и веером разложил их перед главой государства.

– Все эти фото сделаны вчера-позавчера, – сказал он. – Видите разницу? Вот это наш аэродром сегодня. Вот он же 15 июня 2008 года…

При упоминании 2008 года Президент поморщился, как от зубной боли, а Одинцов, выдержав паузу, продолжил:

– Вот он же 2 ноября 1990 года, и он же 25 июня 1940 года – точнее, это не сам аэродром, а то место, где он будет впоследствии построен…

Президент задумчиво перебирал фотографии, пытаясь привести в порядок свои мысли. В словах полковника Одинцова он не усомнился ни на йоту. Ложь со стороны таких людей, как он, была исключена. Он был «свой», и этим все было сказано. Не Чубайс, не Греф, и не Абрамович. Теперь оставалось понять, что делать дальше. Ведь на что-то такое, собственно, он и рассчитывал, когда открыл этому профессору Зайцеву финансирование и приставил к нему Одинцова. На что именно? На то, что машина профессора позволит ему задним числом исправить некоторые собственные ошибки? Получается, нет, не позволит. В июне 2008 поздно было что-либо исправлять – поезд уже ушел.

Эх, если бы он тогда был такой умный, как сейчас… Если бы это был июнь предыдущего года, тогда он, получив подсказку, смог бы переиграть с преемником, выбрать другого человека или, поменяв конституцию, самому пойти на третий срок. Но чего нет, того нет… И одно фото оказалось аккуратно отложенным в сторону за ненадобностью. Там нечего менять, да и изменить уже ничего невозможно.

Третье фото. Поздняя осень 1990 года. Здесь все красиво, но этой красоте осталось всего несколько месяцев. Уже год как выведены в чистое поле советские войска из Европы, а миллиард марок немецкой компенсации, предназначенной для строительства военных городков, растворился, словно этих денег никогда и не существовало в природе. Президент помнил, что как раз в ноябре началась павловская денежная реформа, замораживание, а по сути, конфискация вкладов населения, что стало началом конца СССР.

Выиграли тогда только те, кто держал свои средства в еще запрещенной иностранной валюте. А вот это стало началом безумных 90-х. А еще страна тогда, как ребенок свинкой, болела жаждой свободы и демократии. У него нет лекарства от этой болезни, особенно если учесть, что во главе страны в это время стояли или трусы и дураки, или же откровенные предатели, которые чуть позже и разорвали ее на множество кусков. Нет, тут тоже поздно что-то спасать. Десятью годами ранее он бы знал, что делать, а сейчас… И третья фотография отправилась вслед за второй.

Осталось последнее фото. Президент задумался. Май 1940 года… СССР, еще не тронутый страшной войной, и в кремлевском кабинете собственной персоной сидит товарищ Сталин – великий и ужасный… Страшно даже помыслить, но именно там он (Путин) и его товарищи могут сделать многое, очень многое. Если, конечно, удастся договориться с самим Сталиным… Про лучшего вождя всех времен и народов пишут и говорят много разных ужасов, в которые, конечно, можно было бы поверить, если бы те же самые люди про него самого не рассказывали примерно то же, что и про покойного Иосифа Виссарионовича.

Насколько Владимир Владимирович знал по своей ситуации, все россказни демократической прессы о «кровавой гэбне» и «ужасном тиране» Владимире Путине были, есть и будут откровеннейшей ложью. А это значит, что, единожды соврав, хранители общечеловеческих ценностей соврут еще не один раз, и нет им доверия. Доверять в таком деле он может только себе – суждениям и ощущениям человека, мотающего уже семнадцатый год «срока» на самой

вершине власти. Скоро будет побит рекорд незабвенного Леонида Ильича – дольше него, Путина, Россией руководили только Сталин да еще некоторые цари.

Президент вздохнул. Чего уж там говорить: и для него самого, и для многих и многих других Сталин был, есть, и будет эталоном того, как надо управлять государством. Ликвидация неграмотности, Коллективизация, Индустриализация, Великая Победа, Ракетный и Атомный проекты. Это все его наследство, которое потомки прожирают, и все никак не могут прожрать.

Однако и на солнце есть пятна – и свидетельством этому могут служить «ежовщина», то самое «22 июня» и «товарищ» Хрущев, которого Сталин проморгал за личиной клоуна, чем и дал впоследствии шанс «жопе с ушами» вскарабкаться на опустевшее место Великого вождя.

Президент еще раз посмотрел на фото. Нет, если он не решится и не сделает ЭТО, то будет навеки проклят. От двадцати шести до пятидесяти миллионов погибших – Бог знает, сколько нерожденных не простят ему этого. В конце концов, когда в конце 1999-го он уселся на скамью «галерного гребца», ему было гораздо тяжелее. Потом были победы, но были и досадные ошибки, исправлять которые приходилось позже, и которые стоили стране потерянного темпа. Не один Хрущев сумел прикинуться послушным и всем удобным и нужным недоумком… Нет, решение принято, и будет выполнено, чего бы это ни стоило.

Только к подготовке операции надо подойти предельно серьезно. Во-первых, тайну этого изобретения необходимо хранить как зеницу ока. Если никто ничего не узнал о нем до сих пор, то такое положение вещей должно сохраняться и дальше. Ни один посторонний человек до самого последнего момента не должен даже заподозрить, что происходит нечто экстраординарное.

Поэтому круг посвященных должен быть ограничен, и включать в него можно только самых преданных соратников-единомышленников и непосредственных исполнителей. Иванов, Шойгу, Рогозин, Козак, тот же Одинцов. Войну с Германией можно возложить на плечи генерала Шаманова. Старый конь борозды не испортит, и еще способен затмить славу Жукова, поставив раком самую сильную за все время существования человечества армию объединенной Европы…

Кстати, для сохранения абсолютной секретности для всех, кроме избранного круга ближайших помощников, необходимо организовать операцию прикрытия, способную запутать не только своих доморощенных либерастов, но и крайне любопытные ЦРУ, Моссад, АНБ, МИ-6, Сюрте Женераль, и прочие БНД. Кроме того, остро необходима отдельная операция обеспечения. Для этого тоже можно использовать установку профессора Зайцева. Можно хоть испанские золотые галеоны грабить в теплых морях или собирать открыто валяющиеся в намибийской пустыне алмазы. Финансовые ресурсы на операцию понадобятся огромные, тут миллиардом-другим нынешних российских рублей не отделаешься. Нужно понять, сколько понадобится средств, где их взять, как легализовать и как потратить – так, чтобы никто ничего не понял.

Но прямо сейчас над этим ломать голову не стоит: одна голова хорошо, а несколько лучше. Тут надо хорошенько обо всем подумать, стараясь не упустить ни одной мелочи, а потом посоветоваться со специалистами и еще раз все обдумать. Понятно главное: до часа «Ч» ТАМ осталось уже меньше года…

Президент посмотрел на стопку фотографий, так и оставшихся лежать перед Одинцовым, и спросил:

– А это что?

– Владимир Владимирович, остальные семь временных зон датировать пока не удалось, по причине отсутствия в те времена радиовещания, – ответил тот. – Товарищи ученые предложили создать мобильный вариант установки и, выехав на одну из наших военных баз в горных районах Средней Азии, определить их датировку астрономическим методом.

– Мобильная установка – это хорошо, – задумчиво сказал президент, – и делать ее однозначно надо. Со всем прочим мы пока спешить не будем, а сосредоточимся на более насущных вопросах. Сегодня вечером, в двадцать один ноль-ноль, в этом кабинете состоится совещание Совета Безопасности в очень узком кругу. Кроме нас с вами, будут вице-премьер Рогозин, министр обороны Шойгу и секретарь Совбеза Козак. Подготовьте, пожалуйста, короткую справку, которая поможет товарищам войти в курс событий, с учетом того, что работать мы будем с Иосифом Виссарионовичем – против Адольфа Алоизовича. А также в ближайшее время вашим людям, возможно, предстоят командировки в разные интересные и экзотические места, так что вашу мобильную установку делайте как можно скорее. Вам все понятно?

– Так точно, товарищ Президент! – ответил Одинцов, вставая.

13 января 2017 года, 21:05, Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации.

Присутствуют:

Президент Российской Федерации В.В. Путин,

Премьер Министр С. Б. Иванов,

Вице-премьер Д. О. Рогозин,

Министр обороны С. К. Шойгу,

Секретарь совета Безопасности России Д. Н. Козак.

Представитель Администрации Президента при ГНКЦ «Позитрон» П.П. Одинцов.

Президент оглядел людей, сидящих в кабинете. В большинстве своем это была его «старая гвардия», вместе с которой он уже почти два десятка лет практически заново отстраивал страну. Исключением был лишь Дмитрий Рогозин, который в самом начале находился в оппозиции, и Павел Одинцов, присоединившийся к их команде позже, а тогда тянувший лямку майора в конторе, о которой не принято говорить вслух (можно сказать лишь, что его карьера в верхах началась с «дела Ходорковского»).

С этими людьми он начинал свой политическую карьеру более семнадцати лет назад, они же будут с ним до конца. Ну а «дело 1940» будет ему как «дембельский аккорд» перед уходом на заслуженный отдых в «экспертное сообщество». Возраст уже идет к семидесяти, и пора двигать вперед молодых.

Президент внимательно осмотрел присутствующих, прокашлялся и негромко сказал:

– Итак, уважаемые коллеги, я собрал вас всех по крайне важному и абсолютно секретному делу. Предупреждаю, что ничего из сказанного здесь до определенного момента никоим образом не должно быть предано огласке. А потому имейте в виду, что запись отключена, и прессе уже сообщили, что сегодня мы обсуждаем вопросы текущих международных отношений. А отношения эти, сами знаете, гм… еще те. И, в первую очередь, вопрос касается наших с вами главных оппонентов… Вы все прекрасно понимаете, что после событий трехлетней давности на Украине нам стало абсолютно ясно, что Европа никто, ничто и звать ее никак, а ее, так называемые лидеры, будут плакать, давиться, но есть американский кактус. Положение в самой Америке тоже вполне определенное. Долги, стагфляция, сокращения бюджета, политическая апатия и стрельба на улицах. Не наш девяносто первый год, но что-то достаточно близкое. И вот на этой оптимистической ноте мистер Обама через неделю уходит, оставляя своему преемнику, мистеру Трампу, в наследство только голый зад и пятьдесят триллионов долларов совокупного американского национального долга. Это долги домохозяйств, муниципалитетов, штатов и самого федерального правительства. В роли кредиторов в основном выступают американские же банки. Астрономическая цена американской эпохи перемен. По расчетами привлеченных нами специалистов, когда эта пирамида начнет сыпаться, весь мир накроет идеальным финансовый шторм, по последствиям мало чем отличающийся от атомной бомбардировки. Наша с вами задача, товарищи – заблаговременно, до начала событий, ввести Россию в безопасную гавань.

Президент перевел дух и продолжил:

– Не стоит забывать, что у нового президента-республиканца, мистера Трампа, в придачу к этим проблемам имеются еще и необузданная гордыня, взрывной характер, репутация сумасшедшего и желание вернуть Америку на первые роли в мировом концерте.

– Огнеопасное сочетание, – заметил министр обороны Шойгу, – а Трамп и его компания – это еще те отморозки, хотя и среди них попадаются приличные люди.

– Вот именно, – подтвердил президент. – Как вы все уже знаете, они выиграли президентскую гонку под лозунгом «возрождения былого величия», на волне нагнетаемой их противниками антироссийской и антикитайской истерии. Конечно, хорошо, то, что их внимание разделено между Россией и Китаем, но это

разделение сохранится только до определенного момента. Все же мы воспринимаемся в Вашингтоне как глобальный конкурент, а Китай – всего лишь как региональная держава.

Вице-премьер Рогозин кивнул и сказал:

– Для нас, как и для Китая, прямая военная угроза пока не так велика. Мы с товарищем Шойгу хорошо поработали, и нас голыми руками не взять. История с Украиной это доказала. Гавкать гавкают, а укусить боятся. Гораздо опасней экономическое и политическое давление, которое окажут на нас их европейские и азиатские союзники. Замораживание счетов, ограничение или полный запрет на торговлю. Мы прекрасно знаем, как это делается, проходили три года назад. Мы, конечно, ответим им симметричными мерами, только Америке от этого будет ни холодно, ни жарко. Как в истории с Украиной и Крымом, пострадает не американская экономика, а их европейские и азиатские сателлиты, завязанные на наши энергоресурсы и рынки сбыта. Грабить же они будут того, кто слабее их и не имеет ядерной дубины. К примеру, ту же Латинскую Америку. Это может случиться, если новому американскому правительству удастся оттянуть дефолт еще на год-два. Если же этот дефолт наступит раньше, то произойдет экономический «конец света». По расчетам специалистов РАН, экономический крах грозит нашим основным торговым партнеров. Также пострадают связанные с Америкой экономики ЕС и Японии. Чуть позже, немного потрепыхавшись вокруг пресловутого «внутреннего спроса», рухнет Китай, крепко завязанный своим экспортом на США и на ту же Европу. А потом придет и наша очередь. Мы, конечно, готовимся смягчить последствия. Но все равно, удар по нам будет примерно такой же, как в начале 90-х. Падение уровня жизни ожидается в пределах 30–40 % от нынешнего уровня. Ожидается массовое разорение предприятий, чья продукция ориентирована на экспорт. И это коснется не только «Газпрома» и «Роснефти». Сильно пострадают сталелитейная, алюминиевая, химическая и нефтехимическая промышленность. И это при острейшем дефиците всего того, что Россия импортирует: медикаментов, некоторых видов продовольствия, бытовой электроники и прочего ширпотреба. По медикаментам, например, можно создать запасы в Госрезерве, что мы и делаем. А все остальные позиции запасать просто бессмысленно.

– Понятно, – тихо сказал президент. – А что скажет Секретарь Совета Безопасности России?

– При сохранении в России нынешней политической и экономической системы, нам будет сложно удержать страну… – Голос Дмитрия Николаевича Козака был хриплым и скрипучим. – В тот раз подобное падение после распада СССР стоило нам двух Чеченских войн и предельного ослабления государства. В этот раз идеологического обоснования в виде «суверенной демократии», боюсь, будет недостаточно для принятия жестких и решительных мер.

– Очень хорошо, коллеги, – кивнул президент, – то есть абсолютно все хреново. Получается, что нам в немыслимо короткие сроки каким-то образом необходимо завершить реиндустриализацию с целью окончательно возместить импортируемые сейчас товары, и в то же время найти пути сбыта для производимого у нас сырья, металла, машин и оборудования. При этом мы должны спаять народ Великой Национальной Идеей и сократить свой совершенно безобразный, просто-таки африканский разрыв между богатством и нищетой. Ведь так, коллеги?

Ответом были гробовое молчание и напряженные взгляды. Президент смотрел на своих соратников, а соратники на президента. Один лишь Павел Павлович Одинцов имел спокойное, почти безмятежное выражение лица. Теперь он вроде бы понял, куда клонит президент, но по старой гэбэшной привычке не торопился бежать впереди паровоза.

Тем временем в голосе президента зазвенела сталь.

– Коллеги, внимание! Сейчас я вам сообщу то, ради чего и собрал вас здесь. – Он сделал паузу. – Сегодня утром присутствующий здесь Павел Павлович Одинцов принес мне одно чрезвычайно важное известие. Дмитрий Олегович, – Президент посмотрел на Рогозина, – ГНКЦ «Позитрон», о котором вы должны помнить, и который курирует коллега Одинцов, наконец добился полного успеха в своих исследованиях.

Вице-премьер Рогозин лишь понимающе усмехнулся, а министр обороны и генерал армии Шойгу непонимающе переспросил:

– «Позитрон»? Припоминаю. Кажется, это из серии «разработка вооружения, основанного на новых физических принципах»?

– Коллеги… – интригующе сказал президент, – по известным причинам об истинной сущности разработок профессора Зайцева с самого начала знали всего три человека. Изделие, над которым работали и продолжают работать в «Позитроне» – это не совсем оружие, это, как выражаются в РВСН, «средство доставки».

– Павел Павлович, – обратился президент к Одинцову, – пожалуйста, просветите коллег о сути вашей работы.

Тот встал, прокашлялся и сказал:

– Для начала, товарищи, краткая справка. ГНКЦ «Позитрон» был основан в декабре 2012 года с целью развития унаследованного от СССР научного задела в области прорыва темпорального барьера. Попросту говоря – держитесь крепче товарищи – наша организация занималась НИОКРом в области создания машины времени. К сожалению, базовый советский военный НИИ, с 1984 года занимавшийся этой проблемой, в 1990-м году полностью лишился финансирования, а в 2009-м году то, что от него осталось, было ликвидировано с приватизацией основных фондов. Первые материалы по этому вопросу мы получили в ходе следствия по широко известному в свое время делу «Оборонсервиса». Тогда же было решено возобновить работы в этом направлении. Как я уже говорил, ГНКЦ «Позитрон» был создан в декабре 2012 года. Научным руководителем проекта стал профессор Сергей Витальевич Зайцев – единственный человек из старой команды, которого нам удалось разыскать. Летом 2013 года для постоянного базирования ГНКЦ был восстановлен выведенный из оборота аэродром стратегической авиации в Нижней Потьме, использующийся сейчас в качестве научно-производственной базы. Ровно два дня назад в моем присутствии был достигнут ряд документально подтвержденных темпоральных прорывов в 2008-й, 1990-й и 1940-й годы. Временные диапазоны были идентифицированы с точностью до секунды, благодаря прослушиванию местных радиопередач, и получению местных сигналов точного времени. Еще несколько временных диапазонов, предшествующих появлению радио, пока остались неопознанными, но это уже дело времени и специально разрабатываемых методов. На данный момент удалось подтвердить не только возможность улавливать исходящую из прошлого информацию в виде звуковых, световых и радиоволн, но и переносить через барьер туда и обратно материальные объекты – например, прибор для забора проб воздуха. В настоящий момент идет сборка еще одного варианта машины, не способного сканировать время и рассчитанного на строго

определенную временную зону, но зато этот аппарат должен уже получиться мобильным. На этом у меня пока все, товарищи…

Кивнув присутствующим, Павел Павлович Одинцов сел на место, после чего наступила еще одна минута молчания.

Когда тишина стала уж совсем гнетущей, премьер Иванов посмотрел на президента Путина и полувопросительно, полуутвердительно произнес:

– Сороковой год, Владимир Владимирович?!

– Сороковой, – подтвердил президент, – середина июня.

– Понятно… – улыбнулся премьер своей «фирменной» улыбкой, – ровно за год до «Барбароссы».

Снова наступила тишина. Потом Дмитрий Козак спросил:

– Владимир Владимирович, как я понимаю, решение уже принято?

– Да, Дмитрий Николаевич, принято, – подтвердил Путин и добавил: – для себя, коллеги, я уже все решил, теперь дело за вами.

Те переглянулись, потом дружно кивнули. Решение «в узком кругу» было принято. Эти люди просто не могли поступить иначе. Будь они другими, они вместе с прочими хищниками рвали бы на части ослабевшую страну – вместо того, чтобы с большим трудом пытаться поднять ее с колен. Труд тяжелый и неблагодарный, ибо если не сделал что-то, то это всегда плохо, а если даже и сделал, то мало. Теперь, когда некий внутренний Рубикон уже перейден, все присутствующие взглянули на президента, ожидая конкретных указаний.

Тот тоже все понял. Твердо чеканя каждое слово, он заговорил:

– Как только у коллеги Одинцова будет готов мобильный вариант установки, операция перейдет в фазу фактического воплощения. Одинцов продолжит курировать это направление. Только вместо научных исследований теперь на первый план выходит обеспечение возможности транспортировки в прошлое и

обратно грузов и живой силы. Чем более интенсивным будет грузопоток, тем лучше. Ведь прошлое – это не только долг, который мы обязаны вернуть нашим предкам, но и грандиозный рынок сбыта для нашей промышленности, позволяющий нам проводить реиндустриализацию, невзирая на ожидаемые экономистами финансовые катаклизмы. Кроме этого, в случае, если угроза ядерной войны опять станет реальной, мы можем попробовать эвакуировать в прошлое значительную часть нашего населения. Лучшую часть. Не менеджеров по продажам, юристов и прочих болтунов, а еще оставшихся у нас инженеров, рабочих и ученых.

– Тогда, Владимир Владимирович, нам в первую очередь нужно «завербовать» товарища Сталина… – кивнул вице-премьер Рогозин.

– Пока рано, – покачал головой Путин, – за последние восемьдесят лет было слишком много вранья о событиях того времени. Прежде чем вступить в переговоры со Сталиным, нужно досконально во всем разобраться, и использовать при этом надо не только труды историков и воспоминания очевидцев. На многое придется взглянуть своими глазами. Мы должны со стопроцентной достоверностью установить виновников катастрофы 22 июня и помешать им совершить свои преступления. За это направление, сбор данных в архивах и разведку на местности будет отвечать Дмитрий Николаевич Козак. Собрать специалистов, проверить, замотивировать, посвятить в тайну… Ну не мне тебя учить, коллега. Также за тобой осуществление режима секретности по обе стороны временного барьера. Срок для начала – три месяца. То же самое, но относительно чисто военных вопросов срыва «Барбароссы», поручается коллеге Шойгу. Необходимо определить, можно ли обойтись только материально-информационной поддержкой СССР. А если невозможно, то какими силами должен обладать осуществляющий вмешательство экспедиционный корпус, чтобы нацистский блицкриг провалился и через шесть недель Красная Армия вышла к Ла-Маншу. Срок готовности плана – до начала апреля. Вице-премьер Рогозин отвечает за материально-техническое и финансовое обеспечение основной операции, а также за проведение операции прикрытия… Кроме того, коллега Рогозин, имейте в виду, что в случае доступа в соответствующие временные периоды возможны дополнительные операции обеспечения… Не мне вас учить.

– Хорошо… – Тот на секунду задумался. – Что касается материального и финансового обеспечения, то в трехдневный срок мне нужны сметы по каждому направлению на месяц вперед, или, скажем, до первого марта. А уже к первому

марта уже будет необходимо окончательно определиться с объемами и источниками финансирования.

– Очень хорошо, – кивнул Президент. – Коллеги, в следующий раз мы соберемся в том же составе после того, как коллега Одинцов доложит о готовности мобильного варианта установки. И еще раз предупреждаю: все доклады по этой теме делать только лично с глазу на глаз. Помните: лучше уж перебдеть, чем недобдеть!

Сергей Борисович Иванов задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Товарищ Президент, – вздохнул он, – для работы с товарищем Сталиным мы очень многое должны поменять в нашей «консерватории».

– Поменяем, – кивнул Путин, – не прямо сейчас, но поменяем. Чем ближе кризис, тем легче будет избавиться от последних пережитков девяностых годов. На этом все, товарищи!

14 января 2017 года, 12:15, Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации.

Полковник сил СПН ГРУ ГШ Омелин Вячеслав Сергеевич.

Вышло так, что из последней командировки в не такую уж и далекую южную страну я вернулся на носилках. Бывает. Это не первое мое ранение, не второе и даже не третье, как и не первая командировка в эти некогда прекрасные места. Война там, как застарелый геморрой, длится уже много лет. Официально там нет ни наших «советников» в правительственных войсках, ни «инструкторов» наших вечных оппонентов в бандформированиях оппозиции. Но, как говорил Абрам Саре в известном анекдоте, «бьют по морде, а не по паспорту». Вот и у нас время от времени происходят очные встречи с иностранными «специалистами», в основном французами.

Вот и в этот раз, пока местные изничтожали саму банду сторонников «исламской демократии», наша группа перехватила и помножила на ноль собиравшуюся скрыться бандитскую «головку», состоявшую в основном из катарских «вождей»

и их французских «наставников». Бой был скоротечным и жестоким. Их было вдвое больше, но за нами был опыт двух Чеченских войн, длящихся почти четверть века. Потеряв двух человек убитыми и четырех ранеными, мы вынесли их всех под корень, до белых костей. А вот в числе тяжелораненых оказался и ваш покорный слуга.

Тогда я думал, что все, в этот раз уже не выкарабкаюсь. Но русские своих не бросают, и прилетевший самолет МЧС доставил всех нас, «двухсотых» и «трехсотых», прямо в Москву, в Раменское. «Двухсотых» – в Челобитьево, на наш «российский Арлингтон» – «пал смертью храбрых при выполнении боевого задания». Ну а «трехсотых» – в Бурденко, где я и валялся последние два месяца. Эвакуировали и тех двух ребят, что в том деле обошлись без царапины, тем более что с тем же рейсом прибыли наши «сменщики» из резервной группы, готовые продолжить нашу работу.

Короче, товарищи, кажется, это была моя последняя такая командировка. «Таможня», в роли которой выступила военно-врачебная комиссия, не дала добро на продолжение активной службы. Примерно так же ссаживают на землю летчиков – когда по состоянию здоровья они способны угробить в полете и себя, и машину. Направление в военный санаторий служило весьма слабым утешением после этой весьма неприятной новости. Сколько моих коллег после такого известия спивались или пускали себе пулю в висок… Но мы не такие; еще не знаю как, но мы прорвемся.

Сегодня утром от тяжких раздумий меня отвлек вызов к начальству. Поначалу я решил, что речь пойдет о моей последней командировке, и пребывал в некотором недоумении, поскольку мой рапорт об этом деле, написанный в госпитале, не должен был вызывать никаких вопросов. Чуть позже выяснилось, что он ничего и не вызвал, а дело было совсем в другом.

Генерал встретил меня в своем кабинете немного смущенной и виноватой улыбкой.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – козырнул я и замолчал, ожидая, что начальство само объяснит причины неурочного вызова сотрудника, формально находящегося в отпуске по состоянию здоровья.

– Здравствуй, Слава, и извини, что так вышло… – невпопад ответил он на мой вопрошающий взгляд, – сам же знаешь, что с медициной не спорят.

– Да я и не спорю, товарищ генерал, – ответил я, вспомнив, что с десяток лет назад генерал и сам находился в такой же ситуации, когда ему вот так же, по завершении августовской компании по борьбе с грызунами, медики закрыли выход в поле.

– Ладно… – махнул рукой генерал. – Теперь слушай. Тут мне позвонили с самого верха… – легким кивком головы мой начальник отпасовал невысказанный вопрос к висящему на стене портрету. – Для какого-то очень важного и секретного дела им нужен офицер с большим жизненным опытом и развитой «чуйкой». А я-то знаю, что у тебя этого добра навалом.

Тут душа моя – нет, не ушла в пятки и не воспарила к небесам, – а просто смутилась. Всю жизнь я исповедовал извечную солдатскую мудрость: быть в поле, подальше от начальства, и докладывать только о конечном результате своей работы. И вот, судя по всему, мне предлагается работать под непосредственным руководством человека, изображенного на портрете. Это и вставляет, и доставляет, причем одновременно…

– Ну как, Слава, ты согласен? – спросил генерал, видимо, выждав положенное в таких случаях время. – Мне сказали, что ТАМ нужны исключительно добровольцы.

– Что за служба? – поинтересовался я.

– Подробности, извини, сообщить не могу, – ответил генерал, – ибо сам их не знаю. Скажу только то, что погоны тебе снимать не придется. Речь идет не о твоем переводе, а лишь о прикомандировании…

– Ну, как всегда, – подумал я, – Поди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что…

Впрочем, думал я недолго. Бросив еще один взгляд на портрет, я вздохнул и сказал, – Согласен, товарищ генерал. Я записался добровольцем еще тогда, когда надел на плечи лейтенантские погоны. Куда и когда я должен явиться?

– Командировочное на тебя уже оформлено, – сказал генерал, – сейчас я его подпишу, и с этой минуты ты мне больше не подчиняешься. Спускайся вниз, мой Федя в курсе, он тебя отвезет. Слава, не спорь! – добавил он, увидев мой возмущенный взгляд. – Сам ты туда быстро не доберешься, а дело срочное.

Забрав командировочное предписание и обнявшись на прощание со своим, уже бывшим, начальником, я спустился вниз, во двор, и нашел генеральскую машину. Федя – здоровенный немногословный сержант-контрактник из Якутии – действительно ждал меня. До места мы долетели молнией, наверное, вдвое быстрее, чем вез бы обычный московский таксист. Федя вел машину мастерски, придерживаясь скоростного режима на грани фола. С первых же минут я понял, что путь наш лежит не в Кремль, а, скажем, прямо в противоположную сторону.

Дальше все просто. Федя доставил меня на КПП одной подмосковной госдачи. Причем не на парадную сторону, а туда, где обычно проезжают машины с продуктами и мусоровозы. И правильно: по сути, такие как я, и есть чернорабочие государства Российского в его борьбе за выживание.

Еще через четверть часа я сидел в маленькой комнате без окон в компании трех человек: самого Президента, Предсовбеза Дмитрия Козака (он теперь и становился моим непосредственным начальником) и еще одного моего коллеги «в штатском» Александра Павловича Князева, которому теперь предстояло стать моим напарником. Сначала я не очень понимал, ради чего такая эклектика, но последовавший чуть позже разговор расставил все на свои места.

– Здравствуйте, товарищ Омелин, – приветствовал меня Президент, бегло скользнув взглядом по моей орденской колодке, – проходите, садитесь. Мне рекомендовали вас как опытного бойца и грамотного командира, умеющего правильно трактовать неполные разведданные и способного в острой боевой обстановке принять неожиданное для противника нестандартное решение. Это так?

– Да, товарищ Президент, – ответил я.

– Тогда вы именно тот, кто нам нужен, – сказал Путин. – Работать вы будете под руководством коллеги Козака. Поскольку ваша работа будет касаться не только и не сколько военных аспектов, то представляю вам ваше альтер-эго – Александра Павловича Князева из смежной вам «конторы»…

Последовала хорошую выдержанная пауза, затем он продолжил:

– А теперь я задам вам вопрос. Возможно, он покажется вам не имеющим отношения к нашим текущим делам, но вы не удивляйтесь – так надо. Скажите, что вы думаете о такой дате, как 22 июня 1941 года? – склонив чуть набок голову, Президент внимательно посмотрел на меня своим пронизывающим взглядом.

Мне стало не по себе. По выражению лица главы государства я понял, что этот вроде бы академический вопрос имеет для него крайне важное значение.

– Это величайшая трагедия в нашей истории, – осторожно начал я, – и наглядный урок, подтверждающий, что за беспечность и разгильдяйство приходится очень дорого платить… – Потом я вспомнил еще кое-что о начале войны, и добавил: – В измышления Резуна, товарищ Президент, о том, что Сталин собирался первым напасть на Гитлера, я тоже не верю. Слишком уж неподходящая для этого была конфигурация войск в приграничных округах, слишком мало сил в первых эшелонах, даже с учетом даты нападения 6-го июля.

Пристально глядя на меня, Президент чуть сжал губы, а потом вдруг спросил:

– Скажите, товарищ полковник, а что вы думаете о гитлеровском плане «Барбаросса»?

– Это явная авантюра, товарищ Президент, – решительно изрек я свое мнение. – Насколько я помню, их графики продвижения по советской территории полетели к черту уже на первой же неделе войны. А через месяц им пришлось импровизировать, на ходу внося изменения в прежние планы. Конечно, им помогла и внезапность нападения, и завоевание господства в воздухе, и чрезвычайно сухое и жаркое лето, сделавшее обычно заболоченные лесные дороги проходимыми для танков. Но прошло время, авансы закончились, и осталась лишь голая стратегия, которая, как у Кутузова, говорила о том, что даже с потерей Москвы сама война еще не проиграна. А если она не проиграна нами по-быстрому, то в ходе долгой компании на Востоке их ресурсы закончатся раньше наших.

– Эк вас понесло… – поморщился Президент. – Вот вы сказали, что план «Барбаросса» был авантюрой. Это утверждение стало уже общим местом по

причине своей, скажем так, бесспорности. Так вот, товарищ полковник, я в свое время имел возможность познакомиться с немцами и разобраться в их, как сейчас модно говорить, менталитете. И могу вас заверить, что немцы, и особенно их генералы, и само понятие авантюра – вещи абсолютно несовместимые. И это, кстати, тоже секрет Полишинеля, на который мало кто обращал внимание.

После некоторых раздумий я ответил:

– Значит, товарищ Президент, у немецких генералов были веские основания считать план «Барбаросса» вполне выполнимым. Возможно, это были какие-то разведданные, неправильная трактовка которых позволяла считать Красную Армию «колоссом на глиняных ногах».

– Хорошо, товарищ полковник. – Президент решительно хлопнул ладонью по столу. – Вижу, что вы исключаете из своих расчетов так называемый «человеческий фактор»…

– Товарищ Президент, – неожиданно подал голос Александр Павлович Князев, – наверное, не стоит мучить полковника Омелина. Возможный заговор генералов и все связанные с ним подробности проходят как раз по нашему, а не по его ведомству. Его дело – обнаружить нестыковки и неувязки в расположении войск перед 22-м июня, а уж если придется решать, что это – глупость и некомпетентность или прямое предательство, – то ему и карты в руки. А ведь в тот раз многие из командования РККА избежали внимания органов госбезопасности.

У Александра Павловича был такой вид, будто он прямо сейчас собрался вести в сорок первом году следствие, карать и миловать генералов и приводить в исполнение расстрельные приговоры. У меня невольно по спине пробежали мурашки. Конечно, если катастрофа начала Великой Отечественной войны была следствием предательства «группы лиц высшего начальствующего состава», то эти лица заслужили смертную казнь. Предательство командира – это самое страшное, что может случиться на войне. Но, черт возьми, не понимаю – какой же все-таки у этого исторического разговора может быть практический результат?

Наверное, этот последний вопрос крупными буквами нарисовался на моей физиономии, или же товарищ Князев умеет читать в душах как в открытой книге. Гэбист, он и в Африке гэбист. Александр Павлович глянул на меня, и вдруг произнес:

– Товарищ Президент, не будем ходить вокруг да около. В конце концов, КОЛЛЕГА Омелин расписку о неразглашении уже написал, и имеет все положенные допуски к секретной информации соответствующего уровня. Сообщите ему ГЛАВНОЕ, и мы с ним, наконец, что называется, «удалимся под сень дерев» для дальнейших задушевных бесед. Вам-то он поверит сразу и без лишних разговоров.

Президент кивнул, чуть улыбнувшись краешками губ, и снова пристально посмотрел на меня. Я опять почувствовал себя неуютно. Но он одобрительно и едва заметно кивнул мне.

– Коллега Омелин, – заговорил он с нотками некоторого триумфа, – официально должен вас проинформировать, что в ходе работ над программой создания оружия на новых физических принципах в Российской Федерации был разработан действующий образец машины времени, позволяющий получить прямой доступ в некоторые точки нашего исторического прошлого. Сам этот факт в настоящий момент является абсолютной государственной тайной, и, кроме непосредственных разработчиков машины времени, о нем знают лишь пять высших должностных лиц Российской Федерации. Вы с коллегой Князевым – соответственно, шестой и седьмой члены этого «элитного клуба». Вы являетесь ядром аналитической группы, которая должна будет обеспечить руководство Российской Федерации наиболее точной и достоверной информацией, что называется, из первых рук, о периоде, непосредственно предшествовавшем началу Великой Отечественной войны. Так Вам все понятно?

В порядке общего обалдения я кивнул головой.

– Так точно, товарищ Президент! – И, встав из-за стола, направился вслед за Князевым, дабы усладить свой слух сведениями, которые я посчитал бы самой что ни на есть фантастикой, если бы сам лично не услышал о них от первого лица государства.

14 января 2017 года, 15:25, Российская Федерация, Московская область, Резиденция Президента Российской Федерации.

Полковник сил СПН ГРУ ГШ Омелин Вячеслав Сергеевич

– Что, и в самом деле машина времени существует? – спросил я у Александра Павловича, когда мы удалились в небольшую комнатку в подвальных помещениях дачи. Большую часть комнаты занимал большой стол и два стула.

– В самом деле, в самом деле… – проворчал тот, доставая початую бутылку коньяка из встроенного в стену холодильника. – Давайте примем с вами по писят грамм, не пьянства ради, а токмо для снятия ненужных стрессов… – Он разбулькал янтарный напиток по маленьким стаканчикам. – А то ведь, Вячеслав Сергеевич, я вижу, как вы напряжены. Да и мне тоже не помешает: такое дело начинаем, что даже мандраж бьет… За победу, товарищ полковник!

– За победу, товарищ капитан! – я опрокинул коньяк в рот, и по телу прошла волна живительного тепла.

Капитан Князев повторил мое движение, потом достал из-под стола массивную сумку; из ее недр на свет Божий появились ноутбук и папка с бумагами.

– Ну-с, товарищ полковник, почнем, помолясь?

– Почнем, – согласно кивнул я, – почему бы и нет, Александр Павлович. Только вот с чего?

– Как и положено, с самого начала, – капитан Князев поднял крышку ноутбука, – мы с вами, Вячеслав Сергеевич, должны забыть все уже написанное на эту тему разными историками и исследователями, и составить о той трагедии и ее причинах собственное заключение, основанное исключительно на фактах, а не на эмоциях. Ведь именно по нашим следам, в конце концов, пойдут оперативники нашей конторы с целью найти и обезвредить участников заговора, а также ваши коллеги из Генштаба, готовящие гитлеровцам ответ на их «Барбароссу».

– Подход понятен, – кивнул я, – не верить ничему, кроме собственных глаз и ушей. Только вот, Александр Павлович, позвольте задать один, может быть, не совсем приятный для вас вопрос… Почему при таком почтенном возрасте, – я кивнул в сторону седой бородки моего нового напарника, – вы все еще капитан?

– Ах, вы об этом?! – усмехнулся Александр Павлович. – Что же, вопрос вполне закономерный. Я, знаете ли, еще четверть века назад был уволен в запас, когда демократы сокращали нашу контору. Занялся журналистикой, ездил по горячим точкам. Бывшее начальство меня тоже не забывало, подкидывая время от времени работу на стыке жанров, так что за это время сумел себе сделать определенное имя как военный корреспондент. Занимался историческим расследованием разных загадок, под псевдонимом издал несколько книг. Сюда попал как раз потому, что темой моей очередной книги должна была стать главная боль всей моей жизни – катастрофа Красной Армии в начале войны. Вчера вечером меня неожиданно отозвали из запаса, вызвали к начальству, вручили предписание, и из Питера направили прямиком сюда. Вот и все. О поставленной задаче я узнал за пару часов до вас. Еще вопросы будут, товарищ полковник?

– Да нет, Александр Павлович, – покачал головой я, а сам подумал, что гэбист, журналист и историк – любопытное сочетание. Хотя, возможно, для такого дела нужен именно такой человек «широкого профиля», вращающийся во всех слоях общества, лишенный определенных предрассудков, и в тоже время, оставшийся патриотом своей страны.

Александр Павлович тем временем включил свой ноутбук и, разложив по столу бумаги, голосом заштатного лектора из общества «Знание» произнес:

– Ну-с, молодой человек, поскольку вермахт образца июня сорок первого года явно не входил в число ваших вероятных противников, то позвольте провести с вами своего рода вступительную лекцию…

В этот момент он напомнил мне седых консультантов из нашего ведомства, хорошо помнящих горы Афганистана и джунгли Анголы.

– Итак, – начал Александр Павлович, – на 22 июня 1941 года фашистская Германия сосредоточила на направлении главных ударов до восьмидесяти пяти процентов всей своей живой силы, девяносто процентов авиации, сто процентов

танков и самоходных орудий. Основной удар наносился в полосе от побережья Балтийского моря до Львовского выступа. Отдельно от основных сил действовали лишь альпийские егеря генерала Эдуарда Дитля против Мурманска и одиннадцатая армия генерала Шуберта на севере Румынии. Вопреки широко распространенному заблуждению, 22 июня ни Венгрия, ни Финляндия в войну официально не вступили, на это решилась только обиженная годом ранее Румыния. Венгрия должна была вступить в войну 1-го июля, а Финляндия – после форсирования немцами Даугавы и взятия Риги… Хотя еще за день до начала войны, а именно 21 июня, финские войска вторглись на демилитаризованные Аландские острова и захватили там в плен персонал советского консульства. В тот же день финские подводные лодки и немецкие минные заградители, базировавшиеся в финских портах, начали ставить минные банки в территориальных водах СССР. Подводным лодкам разрешалось атаковать советские корабли еще до начала войны, но лишь в том случае, «если цель будет достойной торпеды».

Я почесал в затылке.

– Александр Павлович, выходит, что если нам в первые же дни удастся дать отпор фрицам, то эти ребята сделают вид, что они вовсе ни при чем, и что они белые и пушистые и совсем не собирались с нами воевать.

– Венгры, возможно, и отскочат, – ответил напарник, – на их территории даже немецких войск не было, а вот финнам, приютившим у себя гитлеровские бомбардировочные эскадры, корабли и сухопутные войска, будет куда тяжелее слезать с этой елки, не оцарапавшись. Как ты думаешь, откуда взлетели самолеты, бомбившие Ленинград в июне-июле-августе сорок первого года? Ну, а о том, что финны начали войну даже раньше, чем немцы, я уже сказал. Хотя этот вопрос будем решать не мы с тобой, и даже не Владимир Владимирович, но лично я считаю, что с господином Маннергеймом лучше разобраться по полной программе, сразу и до конца.

Я кивнул.

– Думаю, что так и будет, тем более что товарищ Сталин никогда не отличался ненужным либерализмом и гуманностью. Что же касается румын, то и сейчас, не представляя собой в военном плане ничего серьезного, они готовы бежать на восток впереди американского паровоза.

– Ну, к румынам мы вернемся чуть попозже, – заметил Александр Павлович, – если у немцев не сложится на направлении главного удара, то румын Красная Армия и без нашей помощи схарчит без соли, даже вместе с немецкой одиннадцатой армией. Сейчас давайте вернемся к месту главной трагедии в Белоруссию.

– Может, лучше начнем с Украины? – спросил я. – Так сказать, пойдем с юга на север.

– Можно и так, – согласился капитан Князев, – только удар группы армий «Юг» на первом этапе в любом случае был вспомогательным и преследовал лишь цель прикрытия правого фланга группы армий «Центр». Вы можете понять это, сравнив плотность войск и особенно число моторизованных соединений противника. Фронт, на котором должна была действовать группа армий «Юг», лишь незначительно уступал фронту действий группы армий «Центр», но в ее состав входили лишь две полевые армии – 6-я и 17-я, а также 1-я танковая группа* в качестве бронированного кулака. И в то же время группа армий «Центр» имела разделенные на две ударные группировки, две полевые: 4-ю и 9-ю армии, и две танковые: 2-ю и 3-ю группы в своем составе. Перед группой армий «Юг» не ставилась задача на немедленное окружение советских войск из-за невозможности организовать второй полноценный фланговый удар со стороны Румынии. Для этого у Гитлера не хватало как минимум тысячи более-менее современных танков, из которых можно было бы сформировать еще одну танковую группу, предназначенную действовать совместно с 11-й полевой армией на румынском фронте.

Примечание авторов: * в октябре 1941 года танковые группы были переименованы в танковые армии.

– Понятно, – сказал я и подтянул к себе расстеленную на столе большую карту-схему формата А3 с отображением расстановки сил на момент начала войны.

Бросалась в глаза растянутость частей Красной Армии вглубь советской территории, и в то же время то, что вермахт буквально притиснулся к советской границе, выстроившись в один стратегический эшелон. Конечно, против разреженного построения советских войск это то, что доктор прописал. На второстепенных направлениях превосходство в силах получается двукратным, а на основных направлениях едва ли не десятикратным. Кроме того, немецкие генералы, пользуясь повышенной подвижностью своих механизированных

частей, получали возможность последовательно громить части Красной Армии, постепенно выдвигавшиеся из глубины советской территории. Так, например, на направлении основного удара группы армий «Юг» по линии: Госграница – Ровно – Житомир – Киев, 6-й полевой армии и 1-й танковой группой вермахта противостояла 5-я армия генерала Потапова. Наносящей южнее вспомогательный удар 17-й полевой армии противостояла 6-я армия генерала Музыченко.

В то же время два мощных советских соединения – 26-армия генерала Костенко и 12-я армия генерала Понеделина – остались совершенно без внимания противника. Тем не менее, они не нанесли по нему флангового удара общим направлением на Люблин, а быстро отступили: 26-я армия – к Киеву, а 12-я – прямиком к Умани, где она все-таки попала в окружение вместе с 6-й армией. Какого черта 6-я армия, дислоцированная между 5-й и 26-й, оказалась так далеко на юге? Неладно что-то в датском королевстве… Интересно, куда смотрел впоследствии героически погибший товарищ Кирпонос?

В Львовском выступе в его распоряжении было целых два мехкорпуса 8-й и 4-й, и на кратчайшем расстоянии от них практически открытый фланг немецкой группировки. Авиация Юго-Западного фронта вне полосы главного удара не подверглась тотальному уничтожению, как это было в Белоруссии, так что Люфтваффе в первые дни войны еще не имело подавляющего преимущества. В таких условиях удар под основание немецкого клина выглядит таким естественным, что даже удивительно, как Клейст решился наступать вглубь, оставив позади себя и на фланге такое мощное ударное соединение.

Тут поневоле поверишь в то, что ему было заранее хорошо известно, что ничего ему эти мехкорпуса не сделают. А ведь фланговый удар смог бы задержать немецкое наступление у самой границы на срок от двух недель до месяца, что позволило бы Красной Армии подтянуть резервы и закрепиться по линии старой границы. Вместо этого, пока одни части безоглядно отступали, другие россыпью выдвигались навстречу врагу, давая разгромить себя поодиночке. Полный бардак! И, пожалуй, я соглашусь с Александром Павловичем – пособничество врагу. Чтобы навести порядок в этом хаосе, не нужен даже офицер, закончивший военную академию – достаточно обычного лейтенанта, выпускника общевойскового училища.

А раз порядок так и не был наведен и дело дошло до полного разгрома Юго-Западного фронта – значит, кроме Гитлера, это еще кому-то было нужно.

Снимаем шляпу и передаем дело из оперативного отдела в особый. Под подозрением – командование Юго-Западного фронта, не сделавшее того, что оно обязано было сделать, зато совершавшее дурацкие и способствующие успеху врага телодвижения.

Потом вместе с Александром Павловичем надо проработать этот вопрос более детально. Ясно одно: при замене командования на того же Жукова и некоторой предварительной перегруппировке Юго-Западный фронт вполне способен самостоятельно устроить Клейсту и его коллегам кровавую мясорубку по типу Вердена вместо легкой прогулки.

Картину разгрома Западного фронта я помню лучше. С юга, в районе Бреста, по 4-й армии генерала Коробкова наносит удар 2-я танковая группа Гудериана. Немецкий удар застал спящие войска в казармах, практически вся авиация Западного фронта уничтожена на аэродромах. При этом какая-то начальственная сволочь, чтобы «не поддаваться на провокации», распорядилась снять с большей части самолетов вооружение. Сволочь и ее начальника, конечно, потом расстреляли, но дела это поправить уже не могло. В результате эффекта внезапности немцы достигли в полном объеме. Огрызающуюся и обескровленную армию немцы отбросили сначала к Кобрину, потом к Барановичам, потом и к Минску. 14-й мехкорпус, вооруженный в основном устаревшими танками Т-26, 23 июня без остатка сгорел во встречном сражении под Кобрином.

Я полистал приготовленный Александром Павловичем справочник советской и немецкой бронетехники. Советским танкистам было трудно противостоять немецким панцерам. Броня Т-26 даже последних модификаций была лишь 15 миллиметров толщиной, и ее можно было пробить даже из противотанкового ружья. А немецкие 37-мм орудия PAK-35/36, прозванные «дверными колотушками», свободно пробивали броню советских танков. К тому же Т-26 старых модификаций со своими до предела изношенными двигателями очень часто выходили из строя. Они едва могли справиться даже с такими «тонкокожими» немецкими танками, как Pz.-II, Pz.-35(t) и Pz.-38(t) – потому что часть бронебойных снарядов к 45-мм танковой пушке Т-26 оказалась с дефектом, из-за чего эти снаряды при попадании в броню немецких танков вместо пробития раскалывались на части.

На северном фасе фронта обстановка еще хуже – в том смысле, что 3-я танковая группа Гота вместе с 16-й полевой армией и 4-й танковой группой Гепнера

наносят удар в Прибалтике через позиции 11-й армии РККА. Превосходство сил вермахта в полосе главного удара получилось многократным, и 11-ю армию РККА просто снесло с позиций.

При этом надо учесть, что так называемый 29-й стрелковый корпус в ее составе – это переодетая в советскую форму армия буржуазной Литвы. Сразу после нападения фашисткой Германии на территории Литовской ССР вспыхивает националистический мятеж (тут неплохо поработали ребята из ведомства адмирала Канариса), и военнослужащие литовской национальности 29-го стрелкового корпуса немедленно к нему присоединяются.

Правда, не все – более двух тысяч литовцев, выйдя из окружения, снова влились в ряды Красной Армии. Но 11-я армия, а с ней и Северо-Западный фронт, оказались разгромлены, вследствие чего двадцать пятого июня немцы захватили Вильнюс. А уже двадцать седьмого июня, на пятый день войны, танковые клинья 2-й и 3-й германских танковых групп сомкнулись за Минском, отрезая в глубоком немецком тылу 10-ю, 3-ю и часть 13-й армий РККА, что означало фактический разгром Западного фронта.

Что там еще… Да, к двадцать девятому июня передовые части 18-й полевой армии вермахта вышли к Риге, а первого июля вошли в город. Повоевали, мать вашу, товарищи генералы!

Отодвинув схему в сторону, я достал из кармана пачку сигарет. От бушующих внутри эмоций отчаянно хотелось курить. А ведь это всего лишь сухой анализ нанесенной на карту информации, и за этими стрелками и цифрами стоят судьбы сотен тысяч и миллионов советских людей, которым суждено погибнуть в ближайшие дни, недели, месяцы войны – то ли из-за чьего-то разгильдяйства, то ли из-за прямого предательства.

Дрожащими как с похмелья пальцами я с хрустом вскрыл пачку, и тут же встретил умоляющий взгляд Александра Павловича.

– А может, не надо, Вячеслав Сергеевич? – спросил он меня. – Вентиляция тут очень хорошая, но табачный дым мне крайне неприятен. Тоже курил как паровоз, но бросил и давненько. Если вы хотите снять стресс, то, может быть, лучше коньячком?

– Хорошо! – сказал я и Александр Павлович снова разбулькал «по писят».

Я опрокинул в себя еще один стопарик, тем более что предыдущий уже успел полностью выветриться. Немного отпустило. Я посмотрел на своего визави и кивнул.

– Значит, так, Александр Павлович, – произнес я при этом, – как я понимаю, для дальнейшей разработки от меня вам нужны сведения о том, кто, когда и как, скажем так, играл с немцами в поддавки или просто делал не укладывающиеся в голове глупости?

Мой напарник кивнул.

– Вячеслав Сергеевич, вы удивительно точно сформулировали поставленную перед вами задачу. Именно это нам от вас и требуется.

– Отлично! – Я ненадолго задумался. – Мне понадобится помещение для работы, компьютер, содержащий исходные материалы во всех необходимых подробностях. Положение войск, ТТХ техники, персональные дела на всех старших командиров – от комкора и выше. На первый этап работы, включающий анализ обстановки на предвоенный период и первые две недели войны, мне понадобится от четырех дней до недели. При этом в разработку попадут командиры РККА уровнем от корпуса и старше. Чтобы спуститься на бригадно-дивизионный уровень, или, не дай Бог, полковой, потребуется резко увеличить штат, один я с этим не справлюсь.

Внимательно слушающий меня капитан Князев только одобрительно кивнул.

– Не беспокойтесь, Вячеслав Сергеевич, – сказал он, – корпусного уровня на первом этапе нам вполне достаточно. Время уже позднее… – Я посмотрел на часы – а ведь и вправду без пяти шесть. – Так что пойдемте, покажу, где тут кормят прикомандированных вроде нас. А потом пойдем организовывать вам рабочее место.

На предложение поесть мой желудок тут же высказал свое горячее одобрение, предательски заурчав, а Александр Павлович, выходя в коридор, продолжил:

– Кстати, у вас семья есть, кого-нибудь о вашей внезапной командировке предупреждать надо?

Я мотнул головой, показывая, что нет. Александр Павлович глубоко вздохнул и повел меня к месту приема пищи.

17 января 2017 года, 12:25, Российская Федерация, Республика Коми, бывший аэродром стратегической авиации Нижняя Потьма, испытательный полигон ГНКЦ «Позитрон», Административный корпус «Башня».

За окнами, несмотря на то, что по здешнему времени был уже полдень, едва-едва занимался седой зимний рассвет. Прилетевший вчера вечером Ил-76МФ выгрузил из своего чрева три новеньких КАМАЗа: один простой, тентованный 4310, два кунга 43118 с отоплением и кондиционером, и один кунг-прицеп, внутри которого был смонтирован 500-киловаттный дизель-генератор. Все тютелька в тютельку под габариты грузового отсека удлиненного Ил-76МФ. В габариты стандартного ИЛ-76МД-90А, иначе именуемый еще Ил-476, три машины и прицеп уже не вмещались.

Вместе с машинами прибыли и водители-контрактники, подписавшие все положенные документы о неразглашении. Вообще людей для участия в проекте на стадии расширения работ старались подбирать среди патриотически настроенных граждан, ранее принимавших участие добровольцами в боевых действиях на Донбассе или работавших волонтерами в МЧС. Стоило только задать соответствующие вопросы соответствующим людям, коих полковник Одинцов знал по долгу прошлой службы – и небольшой пока штат проекта был полностью укомплектован соответствующим персоналом. Даже с наличием некоторого резерва. При этом Пал Палыч избегал связываться с разного рода наемниками – с теми, кто отбывал свой номер только за деньги. Предательство проще всего предотвратить таким способом, чем потом пытаться пресечь утечки информации.

Пока технические нукеры инженера Зиганшина были заняты монтажом оборудования в одном из кунгов, а также обрезкой кабелей и распайкой разъемов, в башне у Пал Палыча Одинцова снова собралось полуофициальное совещание, целью которого был мозговой штурм, чтобы определить, куда со всем этим богатством лететь. Ибо первоначальная идея с мобильной

астрономией и южной авиабазой Кант накрывалась медным тазом под барабанный бой. Астрономические методы оказались делом недешевым в смысле необходимого оборудования. И к тому же для определения даты с точностью до года, требовалось от недели до месяца работы на одной площадке. Опять же, на проектирование и создание экспериментального образца мобильной обсерватории, являющейся гибридом военных и гражданских технологий, требовалось дополнительное время от месяца до трех. И это при условии, что за основу концерном «Алмаз-Антей» будет взят пункт мобильный боевого управления от системы ПВО-ПРО С-500, проходящей в настоящий момент войсковые испытания.

Ознакомившись с информацией об этом, Ольга Кокоринцева лишь шевельнула бровью и сказала, что после точного анализа записей сканирования трех уже идентифицированных временных площадок она и без всяких астрономов с точностью три-пять процентов может рассчитать глубину погружения в прошлое исключительно по необходимому для обнаружения времени сканирования.

– Пока Вас не было, Павел Павлович, – добавил доктор Михеев, – мы прошли двенадцатую по счету площадку и продолжаем погружение. Поскольку испытательная платформа оказалась при этом накрыта массой ледника (что означает глубину не менее десяти-двенадцати тысяч лет назад), то, в общем и целом, эмпирические методы уважаемой Ольги Александровны можно считать заслуживающими доверия.

– Так что, мобильная астрономическая установка не нужна? – спросил Одинцов.

– Ну почему же, – вздохнула математик, – на небольших глубинах в пределах исторического периода ее использование действительно избыточно. Но чем глубже мы будем погружаться, тем надежнее должны быть определяемые координаты. Кроме того, за одну лишь возможность картографировать доисторическое небо товарищи астрономы будут носить вас на руках. Сейчас мне даже трудно сказать, что они могут узнать, получив возможность наблюдать звездное небо, так сказать, из прошлого. Согласно законам человеческого развития, прорыв в одной области знания не может не распространиться на смежные с ним научные дисциплины.

– Ольга Александровна права, – сказал доктор Михеев, – жаль, что сейчас здесь нет нашего дорогого профессора Зайцева. Он бы прочел вам лекцию о том, как нам важно уточнить нашу теорию и какие фундаментальные результаты это

может иметь. Мы ведь можем достигнуть цели, поставленной еще Эйнштейном, и вывести единое уравнение поля, дающее возможность непосредственного перемещения в пространстве…

– А разве вы его еще не…? – заинтересованно спросил полковник Одинцов.

– Не до конца, Павел Павлович, – вздохнул доктор Михеев, – во-первых, с пространством у нас пока так ничего и не получилось, а во-вторых – и Ольга Александровна вам это подтвердит – мы пока еще чего-то недопонимаем в самой теории, и точки ложатся не на саму кривую, а рядом. То есть имеются какие-то нерегулярные воздействия на процесс, которые мы пока описать не можем… Вот как только мы поймем причины отклонений и научимся их заранее рассчитывать – возможно, тогда… – Доктор технических наук вздохнул и замолчал, прекратив дозволенные речи.

– Отлично, Александр Владимирович, – внешне безразлично произнес полковник Одинцов. Но в мозгу которого в этот момент поселилась историческая мысль, пробужденная к жизни последними словами доктора Михеева – своего рода моментальное озарение, возгоревшееся от случайно уроненной спички: он понял, как обвести вокруг пальца наших вечных оппонентов и организовать ту самую операцию прикрытия, о которой говорил Президент.

«Да, – подумал Одинцов, – именно так и никак иначе! Подбросить оппонентам и коллегам из Ленгли информацию об осуществленном пространственном прорыве на землеподобную планету. Нашей суеты по подготовке исследования прошлого не заметить они никак не смогут. Скрыть весь процесс подготовки целиком и полностью просто никак невозможно – слишком велик сам масштаб операции. Зато возможно увести их в сторону от цели и значительно уменьшить противодействие. Ведь сопротивление нашему союзу со Сталиным с их стороны будет бешеным до истерики. Прорыв на другие планеты таких эмоций вызывать не должен. В этом случае, скорее, начнется дипломатическая торговля с целью заставить нас поделиться секретом. Ведь известно, что сама суть американской экономики, поставившей мир на грань катастрофы, требует непрерывного расширения объемов единого рынка. Поскольку в масштабах планеты Земля единый рынок больше расширяться не может, то и американской экономике, как раз и основанной на этом расширении, грозит обвал. Если мы намекнем оппонентам, что знаем способ расширить рынок до масштабов Вселенной, то они сделают все, чтобы раздобыть этот секрет. Именно раздобыть, а не уничтожить… Ай да Одинцов, ай да сукин сын! Если все сделать правильно, то

это будет величайшее в истории по масштабам кидалово бывшего мирового гегемона. Ничего, пусть побегают, засранцы, им полезно…»

Закончив свою мысль, Павел Павлович поднял голову и утвердительно кивнул – мол, хрен с вами, будет вам астрономия, если вы так уже ее хотите. Мы государство богатое, на хорошее дело нам денег никогда не жалко, чего бы там ни говорили всякие разные Навальные…

– Итак, – сказал Павел Павлович, обводя суровым взором своих подопечных, – последний и самый важный вопрос. Где будем проводить рекогносцировку на местности? Желательно так, чтобы при перемещении между разными временными зонами нам не пришлось переезжать с места на место.

– А что тут думать, Павел Павлович, – в тон Одинцову ответил доктор Михеев, – ведь Крым – наш! Самая подходящая точка – это авиабаза в Каче. Во-первых, охраняемый военный объект. Во-вторых, есть возможность прямого прибытия-убытия. В-третьих, имеется промышленная электросеть, и дизель-генератор понадобится только для подстраховки. В-четвертых, какая-никакая цивилизация имелась в Крыму на всем протяжении истории – от наших дней до четвертого века до нашей эры. Единственное, между прочим, подобное место на территории современной России. В-пятых, нет риска, что точка выхода окажется под толщей ледника или под слоем воды так называемого Евразийского океана. В-шестых…

– Я вас понял, Александр Владимирович, – прервал Михеева Одинцов, – а в – шестых, Крым – это территория России, и мы ни перед кем не обязаны отчитываться за то, что мы там делаем. И на этом закончим наш разговор… За вами – техническое обеспечение процесса. Ну а группу контакта и прочие меры безопасности позвольте мне взять на себя. Ибо меня тому специально учили – между прочим, вполне профессионально. Однако непосредственно по ходу процесса я никогда не откажусь выслушать ваше мнение, хотя следовать ему и не обязуюсь. Вот такой он из себя – военный демократический централизм. Все, товарищи, совещание окончено, до свиданья…

20 января 2017 года, 09:15, Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ.

Присутствуют:

Президент Российской Федерации В.В. Путин,

Вице-премьер Д.О. Рогозин,

Министр обороны С.К. Шойгу,

Главком ВДВ генерал-полковник В.А. Шаманов

Секретарь совета Безопасности России Д. Н. Козак.

Представитель Администрации Президента при ГНКЦ «Позитрон» П.П. Одинцов.

Аналитическая группа: капитан СВР А.П. Князев, и полковник ГРУ В.С. Омелин.

Люди, собравшиеся вокруг огромного круглого стола – кто в большей, кто в меньшей степени – почти физически ощущали, как ответственность за судьбу России давит на них свинцовым грузом. Предстояло совершить почти невероятное – дать старт операции, в которой примут участие десятки тысяч людей. И в то же время сохранить режим абсолютной секретности. И это при том, что по стране, подобно помойным крысам, шныряют тысячи представителей самых разномастных НКО, которые в любой момент готовы и мать родную продать за пачку зеленоватой бумаги с портретами заокеанских президентов.

А еще перед собравшимися в этой комнате в полный рост стоял вопрос финансирования планируемой операции. Сумма, требуемая для ее проведения, была огромной. Только что на свое место сел президент России, и в кратком вступительном слове заявил, что операции под шифром «Гроза плюс» – быть. Решение принято, и обратной дороги нет. Какой будет эта операция – чисто политической или с участием военного контингента – еще предстоит решить. Но в новой версии 1941 года вермахт в идеале не должен пересечь линию старой границы.

Главный вопрос начавшегося совещания касался использования в операции «Гроза плюс» частей постоянной готовности Российской армии и Военно-Морского Флота. С одной стороны, использование уже боеготовых частей и соединений сократит сроки подготовки операции и после ее завершения добавит вооруженным силам боевой мощи за счет получения опыта реальной

войны. Сами немцы в свое время перед «Барбароссой» тоже «тренировались на кошках»: сначала на поляках, потом на датчанах, норвежцах, французах и англичанах, греках и югославах.

Когда Президент закончил говорить, министр обороны Шойгу посмотрел на него поверх очков и сказал, что на время проведения операции «Гроза плюс» совершенно нежелательно ослаблять обороноспособность России в частности, и ОДКБ и ШОС в общем.

В современном нам временном потоке известие о том, что русские «вступили в союз с дьяволом» (то есть со Сталиным) у многих зарубежных политиков вполне может снести крышу. До ракетно-ядерной войны, скорее всего, не дойдет – не тот повод, но многочисленные локальные пограничные конфликты вокруг Армении с Карабахом, Южной Осетии и Абхазии, Крыма, Новороссии, Приднестровья, Белоруссии, а также в Прибалтике, вполне могут возникнуть.

Надо помнить и о привычке главного оппонента воевать на чужой территории, чужими руками и за чужие деньги, причем сам дядя Сэм тут будет вроде бы и ни при чем. Белый Дом заявит, что, дескать, это азербайджанские, турецкие, грузинские, румынские, польские, прибалтийские и прочие «борцы за демократию» пошли крестовым походом на исчадие ада, вызванное из жуткого прошлого «Империей Зла». Для их вразумления как раз и понадобятся части постоянной готовности, которые в это время будут вразумлять вермахт и Адольфа Гитлера персонально. Кроме того, самое современное вооружение выпуска 2012–2017 годов, которым оснащены эти части и соединения постоянной готовности, против вермахта образца 1941 года просто избыточны. В то же время на складах и полях мобхранения имеется огромное количество техники и вооружения, устаревших для XXI века и не использующихся Российской армией, но вполне пригодных для того, чтобы раскатать гитлеровскую Германию в тончайший блин.

Шойгу взял со стола лист бумаги, надвинул очки на нос и стал читать:

– «На настоящий момент на полях мобхранения находится: танков Т-55 – 2800 единиц, Т-64 – 2000 единиц, Т-72 – 7500 единиц, Т-80 – 4000 единиц. Боевых машин пехоты и бронетранспортеров: БТР-80 – 4000 единиц, БРДМ-2 – 2000 единиц, БМП-1 – 6000 единиц, БМП-2 – 1500 единиц. Артиллерии: калибра 203 мм, самоходных установок «Пион» – 300 единиц, буксируемых установок Б-4М с тягачами МТ-Т – 40 единиц. Калибра 152 мм, самоходных установок 2С3

«Акация» – 1000 единиц, буксируемых пушек-гаубиц Д-20 с тягачами МТ-ЛБ – 1155 единиц. Калибра 122 мм: самоходных установок 2С1 «Гвоздика» – 1800 единиц, буксируемых установок Д-30 с автомашинами «Урал» – 4200 единиц. Противотанковая артиллерия представлена имеющимися в наличии 100 мм пушками МТ-12Р «Рапира», укомплектованными тягачами МТ-ЛБ в количестве 468 единиц. Минометы: самоходный 240 мм 2С4 «Тюльпан» – 410 единиц и буксируемый полковой 120 мм – 900 единиц. Реактивные системы залпового огня: 122мм РСЗО «Град» – 1700 единиц, 220 мм РСЗО «Ураган» – 900 единиц, 300 мм РСЗО «Смерч» – 106 единиц. Средства ПВО. Зенитная артиллерия представлена снятыми с вооружения зенитными самоходными установками «Шилка» в количестве около 500 единиц, и «Тунгуска» в количестве 250 единиц. Кроме того, имеется некоторое количество (данные уточняются) зенитных орудий, использовавшихся как средство поддержки пехоты: самоходных установок ЗСУ-57-2 калибра 57 мм и ее буксируемого варианта С-60, а также стационарной установки СУ-23-2, переделка которой в легкую ЗСУ возможна даже в кустарных условиях. Зенитные ракетные комплексы: ЗРК «Круг» – 220 единиц, ЗРК Куб – 400 единиц, ЗРК «Оса» – 400 единиц, кроме того, в резерве имеется 256 установок типа С-300ПТ/ПС/ПМУ, снятых с вооружения по причине их замены в войсках ПВО комплексом С-400 «Триумф». Вместе с зенитной самоходной артиллерией для сопровождения войск на марше и защиты пунктов постоянной дислокации можно использовать мобильные ЗРК «Стрела-1» на базе БРДМ-2 в количестве 200 единиц и ЗРК «Стрела-10» на базе МТЛБ в количестве 400 единиц».

Шойгу положил листок на стол и, сняв очки, оглядел присутствующих. Затем добавил:

– Подсчет стрелкового вооружения еще ведется, но уже сейчас ясно, что накопленных за много лет запасов ручных противотанковых гранатометов, станковых и ручных пулеметов, автоматов и снайперских винтовок хватит не только для того, чтобы оснастить нашу ударную группировку, которую я предлагаю назвать Экспедиционным корпусом, но и на то, чтобы два раза перевооружить всю РККА.

– Солидно, – подвел итог генерал Шаманов. – В конце концов, именно для чего-то подобного все это и хранилось. Нам осталось только набрать личный состав, желательно из уволившихся в запас в течение последних пяти лет, провести боевое слаживание сформированных частей – и пусть тогда фрицы сразу вешаются или сдаются. Других вариантов у них уже не будет.

После этих слов известного генерала в помещении наступила тишина.

– Владимир Анатольевич, у вас есть конкретные предложения? – спросил президент России, чуть приподняв брови.

– Так точно, Владимир Владимирович, конкретные соображения имеются, – кивнул Шаманов. – Предлагаю для этой операции сформировать отдельное соединение армейского уровня, именуемое, как и предложил генерал армии Шойгу, Экспедиционным корпусом. При формировании дивизий, полков, бригад и отдельных батальонов использовать наименования частей и соединений, расформированных во время предыдущих сокращений Вооруженных Сил, а также хранящиеся в Главном Архиве Российской Армии их боевые знамена советского образца. Если мы обратим на вооружение Экспедиционного Корпуса хоть десять-пятнадцать процентов накопленного запаса вооружений, то долго там воевать будет некому. Насколько я помню, в начальной фазе плана «Барбаросса» участвовал практически весь боеспособный вермахт, оставив в тылу лишь новобранцев и полицейские части. Имеется реальный шанс разбить все эти силы в приграничном сражении, окружить их остатки и выйти на оперативный простор, учитывая, что на территории Европы до самой Атлантики никаких боеспособных контингентов не будет и в помине.

– Владимир Анатольевич, вы хотите повторить пятидневную войну? – заинтересованно спросил Путин.

– Нет, товарищ Верховный Главнокомандующий, – ответил тот, – к сожалению, немцы не грузины, и даже отставая от нас в технике почти на восемьдесят лет, драться за фюрера и Фатерлянд они будут яростно. Скорее я бы повторил Курскую операцию, с обороной на заранее подготовленных рубежах и после исчерпания наступательного порыва противника, имея в виду дальнейший переход в контрнаступление, итогом которого может стать окружение и уничтожение вражеских ударных группировок. Ну а дальше последует то, что по плану «Барбаросса» должно происходить в реальной истории – безостановочное наступление до конечного рубежа, которым для нас может стать побережье Атлантического океана.

– Интересно… – кивнул Путин. – И какова, по-вашему, должна быть численность этого экспедиционного корпуса?

– От пятидесяти до ста тысяч рядовых, сержантов и офицеров, – ответил генерал, – все зависит от плана операции и соотношения в группировке танковых, мотострелковых и специальных частей. Поскольку такая операция в принципе немыслима без заключения с Советским правительством определенных соглашений, то стрелковая составляющая корпуса может поступить и из состава РККА.

– Про соглашение с Советским правительством вы, Владимир Анатольевич, правильно заметили, – сказал Путин, – но этот вопрос пока стоит отдельно. А в общих чертах я с вами согласен: да, действительно, для операций в прошлом нам необходимо сформировать отдельный экспедиционный корпус. Тем более что у товарища Одинцова по поводу операций прикрытия и обеспечения есть свои дополнительные соображения, которые он и доложит нам чуть позже.

Откашлявшись, полковник Одинцов сказал:

– Итак, коллеги, перед нами сейчас наиболее остро стоят два вопроса. Во-первых – это сохранение режима секретности при тренировках и боевом слаживании столь необычного соединения, и во-вторых – вопрос имени коллеги Кудрина, будь он неладен: кто за все это будет платить? Эти два вопроса требуют от нас проведения еще двух операций: прикрытия и обеспечения. В ходе операции прикрытия мы должны создать у коллег-оппонентов полную уверенность в том, что нами достигнут успех не по временному, а по пространственному перемещению, и сейчас мы готовимся колонизовать некую землеподобную планету. Это должно заставить нашего противника сосредоточить свои усилия в области разведки, а не в нанесении нам немедленного и невосполнимого ущерба. Как только будет установлено, что мы действительно что-то такое землеподобное колонизуем, нам тут же предложат поделиться конечным результатом. В конце концов, их западная система основана как раз на бесконечном расширении рынков, что при ограниченных размерах Земли физически невозможно. Как непосредственный куратор проекта, я посоветовался с товарищем Президентом, и мы решили сделать базой полевых исследований аэродром Кача под Севастополем. Очень удобное место – как для практической работы по исследованию прошлого, так и для разного рода мистификаций. Там наши оппоненты смогут видеть, что мы реально что-то делаем, но не смогут понять, что именно. Тем временем люди товарища Бортникова будут капля по капле вливать им в уши дезу – до тех пор, пока у них окончательно не поедет крыша. А там помрет или Насреддин, или ишак, или падишах… Мои специалисты полагают, что секрет пространственного

перемещения прячется где-то рядом с некоторой нерегулярностью квантования временных зон.

– Павел Павлович, – взгляд министра обороны поверх очков был почти ласковым, – как вы намерены скрыть от нашей так называемой «прогрессивной общественности» – сто камней ей в печенку – сам факт тренировок и боевого слаживания боевых подразделений экспедиционного корпуса? Ведь по самому составу техники будет понятно, что это не силы по освоению Дикого Запада, а вполне боевые подразделения с тяжелой техникой и средствами ПВО. Будем запускать в оборот легенду о драконах?

Генерал Шаманов скептически хмыкнул и вопросительно посмотрел на полковника Одинцова. То же самое сделали и остальные.

– Режим абсолютной секретности можно установить, организовав учебно-тренировочную базу в глубоком доисторическом прошлом, – сказал Одинцов. – Два дня назад наша сканирующая установка вышла на площадку, отделенную от нас примерно на сто тысяч лет. В это время человека разумного в Европе еще нет и в помине. Другая, более близкая к нам временная площадка отстоит от нас примерно на шестьдесят-семьдесят тысяч лет, когда немногочисленные группы хомо сапиенс, еще не разделенные на расы, вышли из Африки и постепенно расселялись вдоль побережья Средиземного моря и Индийского океана. На горных территориях юга современной России в это время возможны контакты с отдельными группами неандертальцев. Эти два варианта можно оставить на тот случай, если мы решим вообще никак не воздействовать на прошлое человечества.

– Конечно, – кивнул головой генерал Шаманов, – вести боевую учебу всегда проще, не боясь при этом повредить ничего народнохозяйственного. А то ошибется командир, перепутает в расчетах плюс с минусом – и на тебе, пожалуйста: залп гаубичной батареи по мирной деревушке…

– Ну у вас и примерчики, Владимир Анатольевич… – хмыкнул президент и кивнул полковнику Одинцову. – Продолжайте, Павел Павлович.

– Хорошо, Владимир Владимирович, – ответил тот и открыл свою папку.

– Всего на данный момент обнаружено шестнадцать временных площадок, причем на каждой последующей площадке время сканирования и потребная энергия для переноса материальных объектов всегда возрастают по экспоненте. Три ближайшие площадки мы локализовали путем прослушивания местных радиопередач. Еще пять площадок лежат в пределах предположительно исторического периода. Заинтересовать они нас могут в смысле проведения различного рода операций обеспечения. Во многих империях древности власть имущие веками копили сокровища, и было бы весьма опрометчиво пройти мимо и не заметить этих богатств. Ибо эксплуататоры, чего их жалеть… Еще две площадки мы можем назвать условно-историческими, и находятся они примерно в тысячном и трехтысячном годах до нашей эры. С моей точки зрения, пользы от них никакой, хотя, конечно, ученым-историкам все это будет безумно интересно. Бронзовый век, первые государства: Ассирия, Урарту, Шумеры, Египет. Все это было, но не у нас. Доисторические площадки лежат на глубинах примерно в шесть-семь, одиннадцать-тринадцать, двадцать-двадцать пять, и тридцать пять-сорок тысяч лет до нашей эры. На них есть риск случайно встретить наших вероятных предков, и тем самым соорудить какую-нибудь побочную историческую линию. Интерес, который мы можем там иметь, лежит, скорее, в философско-антропологической плоскости: чем эти люди, тысячелетиями ходившие по кругу, отличаются от нас, покоривших пространство и готовых покорить время. Мне тут уже высказали частное мнение, что современный либерализм есть атавистический пережиток периода собирательства, выражающий потребительское паразитическое отношение к окружающему миру. Если ученые ответят, что это действительно так, то нам не избежать задачи по борьбе с двуногими паразитами, вплоть до их физического уничтожения. А анализ жизни и действий реальных охотников и собирателей, не искаженный цивилизацией, поможет нам в этом вопросе. Военные учения и подготовку техники к боям, я все же думаю, нам лучше проводить совсем уже в глубокой глуши – как я уже говорил, за сто или шестьдесят-семьдесят тысяч лет назад.

– Интересное решение, – сказал президент Путин, – и в чем-то даже изящное. Наверное, Павел Павлович прав, и это действительно наилучший выход. Не так ли, Владимир Анатольевич?

– Так точно, товарищ президент, это лучший вариант, – кивнул тот, сам же подумал: «Никаких шпионов, правозащитников и прочих экологов, а также никаких сел, полей, дач и огородов… Стреляй, бомби, дави гусеницами в свое удовольствие… А косоруких наводчиков и тупорылых командиров расчетов, путающих плюс с минусом, в нашей армии всегда хватало, и изжить это явление

в ближайшее время до конца вряд ли удастся».

– Если будущий командующий Экспедиционным корпусом согласен, – президент России сделал пометку в своем блокноте, – тогда товарищу Одинцову на следующем этапе поручается физическая разведка прошлого в пределах территории Российской Федерации и выбор площадки для размещения Тренировочного Центра. Последнее – совместно с коллегами Шойгу и Шамановым. Если уж мы действительно так углубляемся в прошлое, то подключите соответствующих ученых, и тогда, скорее всего, ваша разведывательная операция даст огромный толчок исторической науке. Это как огромная куча песка, которую надо тщательнейшим образом просеять, чтобы не упустить ни одной жемчужины, ни одного алмаза или крупицы золота. Конечно, люди в Академии Наук, с которыми вы будете разговаривать, должны понимать, что опубликовать результаты своих работ они смогут не раньше, чем с темы перемещений во времени будет снят гриф секретности. Кстати, вместе с коллегой Козаком посмотрите, какие еще наши тайны мы сможем спрятать подальше от не в меру любопытных глаз и ушей. В глубоком прошлом можно размещать не только военные полигоны, но и научные институты и секретные заводы. С тех пор как Росатом довел до ума свои мобильные плавучие атомные электростанции, проблем со снабжением энергией удаленных объектов у нас быть не должно. – Президент внимательно взглянул на присутствующих. – Итак, коллеги, остался последний и самый неприятный вопрос: кто за все это будет платить? Я об операции обеспечения. Деньги нам понадобятся быстро и сразу. И самое главное: сколько будет стоить вся операция в целом или хотя бы отдельные ее части? Как бы нам не надорваться. Дмитрий Олегович, что вы на это скажете?

– Владимир Владимирович, минимальная сумма, в которую обойдется подготовка операции «Гроза плюс» – два триллиона рублей, из которых пятьсот миллиардов пойдут на зарплату офицеров, контрактников и привлеченных специалистов, а остальные средства будут потрачены на расконсервацию и перевозку техники, и обустройство тренировочного центра, – ответил тот. – Более точно я вам скажу, когда товарищ Шаманов определится с численностью своего корпуса, а товарищ Одинцов – с месторасположением и комплектацией базового лагеря. Но могу сказать сразу, не привлекая особого внимания: нам не удастся собрать больше чем 10–15 % от этой суммы. Всякого рода резервные фонды правительства и нераспределенные остатки тоже имеют свой предел. Еще столько же можно взять у госкорпораций, разместив у них наши заказы с рассрочкой оплаты в один год. Но и это тоже не выход…

– Товарищ президент, – поднял руку капитан Князев, – можно один вопрос?

– Пожалуйста, – Путин сделал паузу, вспоминая имя-отчество собеседника, – Александр Павлович.

– Владимир Владимирович, вы раньше говорили о потребностях советской экономики того периода в машинах и оборудовании. Почему бы нам не форсировать установление экономических связей с СССР, а часть вырученной от торговли прибыли не обернуть на подготовку операции по отражению плана «Барбаросса»? Загрузив отечественные заводы заказами, можно будет заодно улучшить и так называемый инвестиционный климат.

Путин бросил вопросительный взгляд на своего вице-премьера по промышленности, явно что-то высчитывающего в уме. Потом Рогозин перевел взгляд на президента и кивнул.

– Может получиться, Владимир Владимирович. Только вот переговоры с товарищем Сталиным, вы меня извините, уже ваша прерогатива. Без достижения хотя бы предварительных договоренностей с руководством СССР все наши сегодняшние разговоры – бесполезная трата времени.

– Товарищ президент, – добавил капитан Князев, – результаты наших с товарищем Омелиным исследований говорят о том, что круг посвященных с советской стороны должен быть предельно узким. Сейчас там изменник на изменнике сидит и изменником погоняет. Агенты британской, германской, французской, японской разведок – просто в глазах рябит. Есть троцкисты и близкое к ним мощное еврейское лобби, как ни странно, поддерживающее англичан. А кроме этих «вполне достойных» категорий граждан, есть еще коммунисты-фундаменталисты вроде Хрущева (впрочем, многие считают его троцкистом), да и просто больные на всю голову. Поэтому на контакт надо выходить лично вам, и сразу на высшем уровне.

– Спасибо за доверие, коллега Князев, – с легкой иронией сказал Путин, обведя взглядом собравшихся. – Кто-нибудь что-нибудь хочет возразить? Молчите?! Ну что ж, молчание – знак согласия. А посему, коллега Одинцов, вам в свою очередь еще одно поручение – собрать еще один экземпляр вашей машины, так сказать, в кремлевском исполнении, для ведения дипломатических переговоров. И, естественно, подобрать и подготовить необходимый для этого персонал. В какой

срок вы сможете это сделать?

– На базе уже начали сборку второй мобильной установки в резерв, – ответил Одинцов, – но наши запасы комплектующих на исходе, для закупок необходимо дополнительное финансирование. Если необходимые запчасти поступят в течение двух-трех суток, то в десятидневный срок еще одна установка будет готова.

– Решите вопрос с коллегой Рогозиным, – кивнул Президент. – Все остальные, как я понимаю, уже поняли, чем им предстоит заняться в ближайшее время. Возражения есть? Нет. Ну, раз так, коллеги, тогда все свободны!

23 января 2017 года, 17:45, Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача.

Ил-76МФ с опознавательными знаками МЧС Российской Федерации тяжело приземлился на ВВП военного аэродрома в Каче. Командир корабля подполковник Коровин включил реверс, и в облаке мелкой снежной пыли тяжелая машина стала замедлять свой стремительный бег.

Супостаты на радиолокационных станциях НАТО, расположенных на территории Румынии и Турции, несомненно, зафиксировали и вылет борта МЧС из Москвы, и его прибытие на военный аэродром в Крыму. Но в этом не было ничего необычного. Иногда такие самолеты с гуманитарными и промышленными грузами приземлялись на гражданских аэропортах, иногда на военных. Даже построенный и сданный в эксплуатацию мост через Керченский пролив не снял всей остроты транспортной проблемы. Ценные и негабаритные грузы до сих пор перевозились либо морем, либо по воздуху. Вот и сейчас, согласно данным радиоперехвата и агентурной разведки, транспортный самолет перевозил некое геофизическое оборудование…

Пожав плечами, дежурный оператор занес факт прибытия самолета в журнал, находясь в полной уверенности, что никто из начальства не обратит на эту запись никакого внимания. А зря – операция прикрытия, организованная для этого рейса чекистами и органами военной контрразведки, прошла вполне успешно…

Самолет встречали на самом высоком уровне, хотя со стороны этого и не было заметно. У самолетных стоянок скромно остановились несколько джипов полувоенного вида и большой междугородний автобус «Мерседес». Сторонний наблюдатель мог лишь удивиться тому, как вытягивались в струнку часовые на аэродромном КПП перед вроде бы гражданскими пассажирами этой небольшой автоколонны. Еще бы: прямо к ВПП инкогнито подъехал командующий Черноморским флотом.

Закончив пробег по ВПП, Ил-76МФ отключил реверс, прокатился по рулежной дорожке и остановился напротив выстроившихся в ряд новеньких истребителей МиГ-35 российских ВВС. Двигатели замолкли, открылась дверь, и опустился встроенный трап. Почти тут же к борту подкатили два джипа из встречающего кортежа. Из первой машины густо, как муравьи, полезли мрачные накачанные ребята в штатском, а из второй вышли официальные лица и быстрым шагом направились в сторону спускающегося по трапу Владимира Владимировича Путина. Низкая плотная облачность, изрядно заряженная снежными массами, скрыла сцену начала этого тайного визита от американских спутников-шпионов.

– Здравия желаю, Владимир Владимирович, – негромко сказал командующий Черноморским флотом и пожал Путину руку. Он встречал Путина вместо Президента Республики Крым, поскольку аэродром Кача располагался на территории Севастополя, являющегося самостоятельным субъектом Федерации. А Севастополь – это Черноморский флот, и Черноморский флот – это Севастополь. Два этих понятия неразделимы – отныне и присно и вовеки веков.

– Здравствуйте товарищ вице-адмирал, – негромко ответил российский президент, ответив на рукопожатие.

– Владимир Владимирович, – сказал командующий флотом, бросив скользящий взгляд в сторону построенной чуть в стороне роты морских пехотинцев из состава разведывательного батальона Черноморского флота, – мы все сделали согласно вашему приказанию. Люди готовы к делу и проинструктированы.

– Благодарю Вас, товарищ вице-адмирал, – быстро ответил российский президент, отводя командующего чуть в сторону. – Поскольку вы и так имеете один из самых высших уровней допуска в стране, а все дальнейшие действия по проекту будут проходить на подведомственной вам территории и при участии ваших подчиненных, то должен проинформировать вас, что наши ученые и инженеры добились фундаментального прорыва в физике. Открытие было

сделано в ходе работ по созданию оружия на новых физических принципах, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Обещаю, что это не оставит вас равнодушным. Демонстрация не займет много времени.

– Я весь внимание, Владимир Владимирович, – сказал командующий Черноморским флотом, наблюдая, как по откинутой грузовой аппарели из недр Ил-76МФ один за другим выезжают три огромных автомобиля «КАМАЗ»: два с кузовами-кунгами и один тентованный.

– Владимир Владимирович, – сказал комфлота, с интересом глядя на то, как около десятка человек, одетых в зимнюю рабочую униформу с надпись на спине ГНКЦ «Позитрон», выбежали из самолета вслед за машинами, – как говорила Алиса: «Все чудесатее и чудесатее…». И, кстати, что это они делают?

– Развертывают установку, – коротко ответил Путин, наблюдая, как одна из машин отъезжает подальше, разматывая за собой толстый силовой кабель.

– Что за установка, спрашивать пока бесполезно? – немного саркастично сказал адмирал, наблюдая, как двое рабочих относят за край летного поля круглый (очевидно, полый внутри) металлический блин метра полтора в диаметре, за которым кольцами вьется пятнадцати миллиметровый бронированный кабель. А чего ему бояться: кто вблизи видел стрельбы главным калибром РК «Москва», того даже ядерным взрывом не напугать.

– Сами сейчас все увидите, – сухо ответил президент России, глядя на спешащего к нему человека лет сорока, в спецовке несколько иного цвета и покроя, чем у остальных рабочих.

– Товарищ президент, у нас все готово, – отрапортовал тот Путину. – Начинать сейчас или подождать?

– Стемнело достаточно, – коротко ответил Путин, – начинайте, товарищ Михеев.

Инженер махнул рукой – и в отдалении взвыл мощный дизель-генератор, установленный на отъехавшей в сторону машине. Путин повернулся к комфлота.

– Пойдемте, товарищ адмирал, посмотрим товар лицом. Кстати, – он кивнул в сторону людей сопровождавших командующего, – вы абсолютно уверены в ваших людях?

– Абсолютно, Владимир Владимирович, – ответил комфлота, – я верю им как себе!

– Даже если они сейчас узнают, что через год наступит конец света? – хитро усмехнулся Путин.

– Даже так, Владимир Владимирович, – подтвердил вице-адмирал.

– Что ж, если вы так считаете… – загадочно сказал президент, останавливаясь метрах в двадцати от лежащего на земле диска. – Смотрите, товарищ адмирал…

Воздух над диском подернулся голубоватым сиянием, потом над его центром, метрах в полутора над землей, появилась добела раскаленная точка, постепенно превратившаяся в сияющий шар, размером чуть крупнее теннисного мяча. Хлоп! И перед президентом и адмиралом распахнулось нечто вроде круглого окна-иллюминатора метров двух в диаметре, ограниченного тонкой светящейся окантовкой. Несмотря на царящую вокруг зиму, за окном был то же Качинский аэродром, в общих чертах пейзаж совпадал – как внутри окна, так и за его пределами. Только там вместо зимы было лето, горы, степь и клубились в небе высокие кучевые облака. Но не это было самым поразительным. Там, за окном, не было бетонных взлетно-посадочных полос, куда-то исчезли бетонные капониры и стоящие в них Миг-35. Вместо этого на зеленой траве грунтового аэродрома рядами выстроились краснозвездные курносые бипланы с характерным изломом верхней пары крыльев. С треском, напоминающим шум работающей швейной машинки-переростка, один из них шел на взлет.

– Что это, Владимир Владимирович? – вполголоса спросил командующий Черноморским флотом, у которого неожиданно перехватило горло.

– Это, товарищ вице-адмирал, аэродром в Каче, – ответил президент. – Да-да, тот самый, на котором мы сейчас с вами находимся. Только там, за темпоральным барьером, пятое июля 1940 года. Мы видим самолеты типа И-153 «Чайка» базирующейся на этом аэродроме 62-й истребительной авиабригады ВВС Черноморского Флота.

– Это что, голограмма? – цепляясь за осколки рушащегося мира, с оттенком надежды спросил адмирал.

– Почему голограмма? – деланно удивился Путин, всем видом показывая, что ради такой ерунды, как обычная голограмма, он не стал бы беспокоить весьма занятого командующего флотом. – Это дверь в самое настоящее лето сорокового года.

В подтверждение своих слов Президент набрал на обочине взлетной полосы немного снега, скатал его в снежок и с силой запустил им в самую середину межвременного окна. Комок снега из 2017 года пересек невидимую границу, разделяющую два времени, и упал метрах в пяти по ту сторону, при этом по «зеркалу времени» пробежала легкая рябь и раздался чуть слышный звон.

Откуда-то сбоку, из-за края окна, вышел боец в форме образца тридцать шестого года с трехлинейкой на плече, подобрал с травы снежок и уставился на него как питекантроп на айфон. В 2017-м году все затаили дыхание, когда, лизнув снежок и болезненно при этом сморщившись, боец начал стягивать с плеча винтовку, оглядываясь в поисках шутника, кидающегося снежками в июле. Президент Путин махнул рукой – и с легким щелчком светящийся круг погас. Теперь на его месте был все тот же зимний аэродром.

– И что же теперь будет, товарищ президент? – по-военному лаконично спросил адмирал. – С Гитлером воевать будем?

– Там поглядим, но, скорее всего, да. Сначала, как говорят у вас на флоте, нужно осмотреться в отсеках. – Путин оглянулся на Ил-76. – Товарищ вице-адмирал, поскольку полевая база проекта будет на вашей территории, то давайте сейчас обо всем переговорим у меня в самолете. Ведь вы наверняка захотите задать несколько вопросов людям, разработавшим установку…

– Разумеется, Владимир Владимирович, – кивнул комфлота.

– Тогда пойдемте, – сказал Путин и сделал знак рукой, приглашая вернуться к самолету и подняться по трапу в салон. – Разговор будет сугубо конфиденциальным. Ни полслова не должно просочиться наружу. А то наши западные соседи такой вой поднимут – хлопот не оберешься. Нам-то на их крики

уже давно плевать, но сейчас это ни к чему. Вот сделаем дело – и пусть вопят в защиту Гитлера сколько влезет. Хотел бы я посмотреть на их рожи.

– Согласен! – сказал адмирал, поднимаясь по трапу вслед за Путиным, – мне их вопли тоже во как надоели.

– Ну вот и хорошо, – сказал Путин, входя в любезно открытую стюардессой дверь в небольшой пассажирский салон на самом верху самолета, предназначенный для сопровождающих груз. – Знакомьтесь, товарищ вице-адмирал: Зайцев Сергей Витальевич – генеральный конструктор установки, Одинцов Павел Павлович – куратор проекта со стороны моей администрации, капитан госбезопасности Князев Александр Павлович и полковник ГРУ Омелин Вячеслав Сергеевич – руководители группы по разбору причин катастрофы РККА в 1941-42 годах.

– Солидно! – сказал адмирал и сел в предложенное ему кресло. – Владимир Владимирович, я весь во внимании…

Там же, пассажирский салон Ил-76МФ, несколько минут спустя.

Выдержав некоторую паузу, Путин заговорил. Слова произносил он очень тихо, но с той самой интонацией, от которой у некоторых людей порой идет мороз по коже.

– Товарищ вице-адмирал, – сказал он, – как вы понимаете, в этом деле, кроме чисто научного аспекта, есть еще две составляющих: моральная и материальная. Моральная заключается в том, что перед нами находится мир, в котором игроки уже сделали все ставки, но по большому счету еще ничего не предрешено. Франция уже захвачена, «Битва за Англию» еще не началась, плана «Барбаросса» как такового тоже еще нет. Есть только намерение Гитлера после захвата Англии повернуть вермахт на Восток. Таким образом, вмешавшись в события в тот или иной момент, тем или иным способом, мы вполне способны избавить нашу общую Родину СССР от кошмара немецкого вторжения. Я говорю вам это как ленинградец. Ведь кто иной, как не я и мои близкие, может понять всю важность этого вопроса? Насколько я помню, в вашей семье тоже были потери: один дед погиб, другой был ранен, брат и сестра вашего отца умерли во время оккупации.

– Да, Владимир Владимирович, – ответил комфлота, – я вас прекрасно понимаю. И вы считаете, что если мы ТАМ что-то сделаем, для нас ЗДЕСЬ что-нибудь изменится?

– Боюсь, что нет, – ответил Путин, – наше собственное прошлое останется неизменным. Сергей Витальевич, – обратился российский президент к профессору Зайцеву, – объясните Александру Николаевичу, что случится, если мы попробуем изменить прошлое.

– Для нас лично – ничего, – ответил профессор. – Владимир Владимирович, я же вам уже рассказывал, что мы уже ставили эксперимент на наличие «эффекта бабочки», и получили совершенно отрицательный результат.

– Товарищ профессор, а можно поподробнее? – спросил командующий флотом. – Так, чтобы мог понять любой, не заканчивавший академиев офицер, у которого, как известно, одна извилина, и та вмятина от фуражки.

– Все очень просто, товарищ адмирал. Недалеко от нашей базы есть такой приметный ледниковый валун, скорее даже, небольшая скала. Чтобы попробовать что-то изменить в прошлом, и при этом не наломать дров, мы решили выбрать этот ничего не значащий камень в качестве «подопытного кролика». Пал Палыч привез специалистов, как раз в 1940-м году они просверлили в валуне дырку и заложили взрывчатку. Бух-бабах! И из одного валуна стало два, только поменьше. Результат эксперимента таков: в наше время этот валун целый, в 2008-м году – целый, в 1990-м году – целый, в 1940-м году – взорванный. Так что все изменения, произведенные нами в 1940-м году, там и остаются, не распространяясь на будущее.

– Вы хотите сказать, что создали эту, как ее, независимую временную линию… – задумчиво пробормотал вице-адмирал, в свободное от службы время почитывающий не Момзена с Тацитом, а Конюшевского и Дойникова-Чернова с Савиным. Немного помолчав, командующий Черноморским флотом спросил: – Владимир Владимирович, мне очень интересно, а какой смысл нам во все это вмешиваться, если это не наше прошлое, а лишь что-то очень на него похожее? Ведь если ко мне в постель ляжет женщина, как две капли воды похожая на мою жену, но ею не являющаяся, то это будет супружеской изменой. Не совершим ли мы и в этом случае чего-то подобного… или я чего-то не понимаю?

– Прошлое – оно, может быть, и не наше, – ответил ему Путин, – зато люди все наши, самые настоящие. И фашисты вместе с Гитлером самые настоящие, и Черчилль с Рузвельтом и Трумэном тоже… Но это все лирика, а вот я, товарищ вице-адмирал, как Президент Российской федерации, наперед должен думать, что из всего этого получит наша страна. Так что давайте немного поговорим о материальном. Итак, какова ваша оценка нашей нынешней международной обстановки? – Он уловил непонимание в глазах комфлота и быстро добавил: – Не в их 1940-м году, а в нашем, 2017-м.

– Хреновая оценка, – угрюмо сказал адмирал, – НАТО как взбеленилось. Немцев действительно пора проучить так, чтобы еще лет пятьдесят они умели говорить только «данке шён». А тут еще кризис! Еще этот самый, как его, американский дефолт на носу. Самое время для чего-нибудь эпохального, вроде великого похода Чингисхана для завоевания Парижа.

– Все это у нас с две тысячи четырнадцатого на носу, – сухо заметил Путин, – но в одном вы правы, коллега: чем дальше мы, то есть весь мир, влезаем в это болото, тем сильнее грохнет. Сейчас же перед нами целый мир, в котором Россия сможет продать любую свою продукцию, все что угодно: трактора, комбайны, грузовики, самолеты, компьютеры, удобрения, тепловозы… С таким рынком у вас тут же исчезнут проблемы со сбытом. И санкции там на нас накладывать некому, у накладывателей женилка еще не выросла. Мы там с товарищем Сталиным сами что хошь на кого хошь наложим – если надо, то целый вагон.

– Скажите, Владимир Владимирович, а товарищ Сталин будет с нами торговать и вообще иметь дело? – спросил адмирал. – По этому поводу у некоторых наших политологов есть совершенно разные мнения…

– А ну их этих политологов, знаете куда, – насмешливо прищурился Путин. – Я сам себе политолог, а эти понимают в политике не больше, чем Чирикова в экологии или детки Гайдара в экономике. – Президент посмотрел на одного из своих спутников. – Вот, коллега Князев, проинформирует всех нас о тогдашней политической и экономической обстановке. Александр Павлович, начинайте.

– Итак, – академическим тоном начал капитан Князев, – после советско-финской войны 1939–1940 годов СССР оказался в полной политической изоляции, поскольку Англия и США объявили ему так называемое «моральное эмбарго». В результате вся внешняя торговля СССР свелась в основном к бартерному обмену

с фашистской Германией продовольствия, металлургического сырья и нефтепродуктов на станки, оборудование и образцы вооружения. Основной целью с немецкой стороны было до начала войны выдоить из СССР как можно больше сырья, создав при этом стратегический резерв на время ведения войны против того же самого СССР, и отдать взамен как можно меньше оборудования в как можно худшей комплектации. СССР же выполнял все условия торгового соглашения с Германией пунктуально. Так что если предложить товарищу Сталину некоторую альтернативу, то, думаю, мы вполне договоримся. Правда, Российской федерации не нужны ни минеральное сырье, ни нефтепродукты, а лишь некоторые виды продовольствия и золото. Но и товарищу Сталину технику и оборудование, даже близко похожую по качеству и производительности на нашу, тоже взять негде. Так что… думаю, договоримся.

– Конечно, договоримся, – усмехнулся Путин, – не так страшен товарищ Сталин, как его малюет наша демократическая пресса. Нам ли с вами об этом не знать, товарищи офицеры?

Вице-адмирал только сухо кивнул: он-то старался сводить свое общение с прессой к минимуму, переложив этот тяжкий труд на своего зама по связям с общественностью.

– Да, товарищ президент, и последний вопрос: а что в таком разрезе вопроса мы будем делать с Украиной? – спросил адмирал.

– А что с ней можно сделать? – вздохнул Путин. – Я понимаю, что это ваша любовь и ваша боль, но любое наше вмешательство может только навредить. Банальный случай самого массового психического заболевания во всей истории человечества. Они четверть века сами с собой ничего толком сделать не могут, а мы с вами чем им поможем? Вот если после начала боевых действий против Гитлера эта кодла возьмет и заявит о своем союзе с фашистской Германией – тогда да: войдем, и все зачистим до белых костей…

– Владимир Владимирович, я думаю, что все так и будет, – кивнул адмирал. – Как только станет известно, что мы воюем против Гитлера, то, что осталось от Украины, рванет как бомба. И не забывайте про Польшу – паны тоже совсем дурные стали… Несут какую-то хрень про «Кресы всходни»…

– Про Польшу мы не забываем, – быстро ответил Путин, – только теперь давайте поговорим по существу. Этот самолет сейчас улетит обратно в Москву, а вот команда полковника Одинцова остается здесь. Распорядитесь выделить для их работ стоящие отдельно жилые помещения и ангар, обеспечив его промышленным электропитанием на пятьсот киловатт. Все необходимое для налаживания быта в полуполевых условиях команда привезла с собой. Там же разместите ваших прикомандированных разведчиков из морской пехоты. Особистам скажите, что общение между людьми, задействованными в проекте, может быть свободным, ибо каждый солдат должен знать свой маневр. Но за пределы этой группы должна просачиваться только та информация, которую сочтут необходимой специально прикомандированные товарищи. Непосредственно с постоянным составом и прикомандированными сотрудниками будет работать служба безопасности проекта, на аэродроме Кача и за периметром – особый отдел Черноморского Флота и УФСБ по Севастополю. Соответствующие инструкции по своей линии они уже получили, но и вы должны знать, что каждого, кто без существенных оснований поинтересуется происходящим в особом ангаре, следует немедленно взять на карандаш, даже если это та самая ваша жена, у которой есть двойник. Пути шпионов неисповедимы, и болтуны еще никому, кроме супостата, не делали добра. Начинается большая игра, и призом в ней будет выживание всего нашего народа, а может, и всего человечества. Кто их знает, этих американцев… Короче, товарищ вице-адмирал, надеюсь, вы все хорошо поняли?

– Да, Владимир Владимирович, я все понял, – сказал комфлота и встал. – Как я понимаю, нам пора?

Ив этот момент одна за другой завыли запускаемые командиром корабля турбины.

– Да, товарищ вице-адмирал, пора. – Путин пожал командующему Черноморским флотом руку. – Приятно было встретиться и поговорить с правильным человеком. Нам с вами еще предстоят совместные очень интересные и весьма славные дела. До скорой встречи.

Когда комфлота вышел в сопровождении стюардессы, российский президент вытер взмокший лоб и устало опустился в кресло. Впереди еще было очень много дел, и каждый должен был грести на своем месте как раб на галере.

23 января 2017 года, Поздний вечер, Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача.

Майор морской пехоты Сергей Слонов.

Еще сегодня утром я жил по распорядку дня обычного армейского офицера. Подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, занятия, ужин, личное время, поверка, отбой. Конечно, подразделение у нас не совсем обычное, и нагрузки на занятиях в два-три раза превышают армейские. Но это не меняет главного – размеренного ритма воинской жизни в мирное время. Наверное, такой режим установился в армии еще со времен римских легионов. Ведь, создав регулярную армию, римляне просто не могли изобрести распорядок дня – это просто альфа и омега всей армейской жизни. Единственное, что способно поломать такой режим – это война. И, как говорится, пусть всегда над нашей головой будет мирное небо. Хотя я и думал раньше, и думаю сейчас, что если нас пошлют в командировку в какой-нибудь Вашингтон, и я и ребята поедем без колебаний. Что поделать: если Родина даст приказ, то…

Но вот Родина приказала. Звонок с утра пораньше из штаба флота: «Кто там у вас самый ушлый? Слонов? После обеда следовать на аэродром Кача в распоряжение комфлота, с вещами, ротой и техникой. С утра занятия отменить, с родными попрощаться, сухпай на три дня, полная выкладка, снаряжение и заправка машин, сто процентов боекомплект». Спасибо, что еще после обеда, а не до… А то было бы совсем весело.

А техника у нас в боксах стоит уже заправленная и снаряженная. Да и как же можно иначе, ведь в любой момент киевские хохлопитеки и их кураторы из-за лужи готовы устроить нам какую-нибудь кровавую провокацию.

Так вот – в этот раз, когда прозвучало «с вещами на выход», я тут же подумал о чем-то подобном. Но случилось нечто иное, и совсем удивительное. Когда наши БТР-90М заруливали на аэродром, то как раз все начиналось. На посадку заходил МЧСовский Ил-76, удлиненная модель. Почти одновременно с Илом прибыл командующий флотом – скромно, по-домашнему, только с ближайшими помощниками и людьми в штатском.

И тут меня ошарашило, причем три раза подряд… Первый раз, когда я, даже не успел доложиться своему командующему, увидел, как на нашу грешную землю

по трапу из Ил-76 спустился Он: Темнейший, Старик, ВВП, Президент… Не зря говорили, что он может внезапно оказаться в любом месте России, и вид транспорта при этом не имеет никакого значения.

В этот момент мне, чисто профессионально, захотелось заныкаться в такое место, откуда бы я мог видеть всех, а меня – никто. Но, нет, похоже, не судьба: наши БТРы торчали на неиспользуемой рулежной дорожке как шиш на блюде, видные всем и отовсюду. Я приказал своим людям покинуть машины и построиться. Но главными действующими лицами оказались совсем не мы.

Пока командующий здоровался с президентом и обсуждал с ним какие-то свои вопросы, мы клацали зубами на холодном степном ветру и наблюдали за развертыванием какой-то неизвестной мне установки, своим видом напоминающей системы РЭБ, с помощью которых мы в свое время отлавливали штатовские беспилотники. Затем мы обалдели во второй раз, когда увидели, как с помощью «установки РЭБ» открывается дырка явно в довоенное прошлое… Лето, самолеты-бипланы И-153 и монопланы И-16… мирная идиллия тех страшных лет – страшных неизбежностью и неотвратимостью немецкого вторжения и летней катастрофы сорок первого года.

Начальство поднялось в самолет, еще немного посовещалось, а мы тем временем еще немного померзли. ИЛ вместе с президентом улетел восвояси, оставив, впрочем, здесь, на полосе как саму установку, так и еще кучу всякой всячины, которой штатские обычно обставляют свой быт в необжитых местах. Тут командующий наконец вспомнил и о нас, бедолагах. Как всегда, в последнюю очередь.

Тут меня торкнуло в третий раз. Вместе с командующим к нам подошел коренастый бульдогообразный коротко стриженый мужик в возрасте «выше среднего». Он был представлен как полковник Одинцов, Павел Павлович. Товарищ не наш, чисто «конторский». Но видно, что не кабинетный червь, а всю жизнь провел в поле. Когда командующий заявил, что отныне, и присно, и вовеки веков я вместе со своей ротой поступаю в распоряжение полковника Одинцова, и обратного пути уже нет, я понял, что без меня меня женили. Мы теперь – первая отдельная рота специального назначения вневременной разведки, и именно в этом качестве будем существовать и дальше. В «контору» нас не передают, а только прикомандировывают. И, вообще сам адмирал выглядел как отоваренный пустым мешком по голове. Видно, наслушался меняющих мир откровений, а такое даром не проходит – все-таки возраст.

Когда я говорю, что «меня ошарашило», то это похоже на попадание пули в бронежилет. Удар – и все. Встряхнувшись, идем дальше, хотя синяк потом, конечно, останется. И так меня сегодня три раза. Первое – Президент, второе – дырка в прошлое, третье – то, что я теперь во всем этом по самые уши.

Увидев казарму, в которой нас собрались разместить, я уже привычно вздрогнул. Голое помещение со свежепобеленными стенами и вставленными в окна стеклопакетами, бетонный пол, куча складных железных двухъярусных кроватей в углу… и больше ничего. Но тут полковник Одинцов начал командовать, и я понял, что о таком командире я мечтал всю свою службу. Большая часть той кучи барахла, что была свалена на полосе, предназначалась именно для нас, любимых. Пропановые воздушные нагреватели, настенные светодиодные светильники, пенные коврики, надувные матрасы и подушки, солдатские одеяла. И, что самое интересное – со штампом «1968 год». Кто-то капитально почистил склады мобрезерва, безжалостно выгребая оттуда все, до чего можно было дотянуться, и забивая самолет до максимальной грузоподъемности – шестьдесят тонн.

Воодушевившись при виде такого богатства, мои ребята засучили рукава и при технической поддержке позитроновских техников, принялись устраивать свой быт. Часа через два казарму было не узнать. Басовито гудели подвешенные на цепях к потолочным балками газовые нагреватели, распространяя волны расслабляющего тепла. Кровати были собраны, аккуратно расставлены, застелены, а проходы между ними были устланы пенкой. Лепота!

Пока мы трудились в казарме, прилетел еще один Ил (на этот раз обычный) и выгрузил из своего чрева секционный надувной ангар, полевую кухню и еще кучу всякой хренотени. Мне как командиру пришлось, кроме дневального у тумбочки и четырех постов караула, выделять еще и наряд на кухню. Зато утром у нас будет настоящий горячий завтрак, который уже не сравнить сухим пайком, пусть даже с самым дорогим и калорийным.

Прилетевшие на Иле хмурые парни в спецовках безо всяких надписей без лишних слов развернули ангар, подключили компрессор и, накачав резинотехническое изделие воздухом, отправились в обратный путь. Хотя какое оно резиновое: внешние оболочки не иначе как кевларовые – простым ножом не прорежешь. Последнее, что мы сделали перед отбоем – это загнали всю технику, включая «машину времени», в ангар, и погасили освещение. У часовых на постах

имелись ноктовизоры, им освещение было без разницы.

Когда ребята угомонились и, нервно ворочаясь на новом месте, уснули под убаюкивающее гудение обогревателей, полковник позвал меня к себе в закуток в дальнем углу казармы. Ничего особенного, две ширмы, пластиковый стол, ноутбук, светодиодный светильник, раскладные стулья с надувными подушками и походная кровать-раскладушка. застеленная таким же, как у всех, солдатским одеялом. Суровая простота. Настоящий полковник – «слуга царю, отец солдатам».

– Значит, так, майор… – Он внимательно посмотрел на меня. – Садись и слушай. Поздравляю тебя с прибытием на борт. Отсюда у нас с тобой два пути: или на трибуну Мавзолея – как Гагарину, парады принимать, или безвестно сгинуть где-нибудь там «за речкой».

– Не совсем понимаю, – ответил я, – хотя и догадываюсь.

– Правильно, майор, – сказал полковник, доставая из-под стола бутылку массандровского вина, а из выдвижного ящика тумбочки – два маленьких серебряных стаканчика. – Давай выпьем за знакомство, за новоселье… и вообще, за удачу – эта ветреная девка тебе там понадобится.

Выпили, помолчали. Вино действительно было хорошим. Такое запивать или закусывать – просто варварство. Дав мне насладиться теплом, прокатившимся по телу от желудка к голове, полковник продолжил разговор.

– Итак, майор, – сказал он, – завтра у тебя первый поиск, а потому времени на раскачку нет. В первую очередь необходимо выяснить точную дату – это надо нашим технарям для каких-то там расчетов. После этого будем решать, продолжать работать на этой площадке или идти дальше. Но точную дату надо определить обязательно…

– А для чего все это, товарищ полковник? – под влиянием выпитого на голодный желудок вина я немного расхрабрился. Ведь обещал же себе воздерживаться от всяческого любопытства…

– Хороший вопрос, – сказал полковник Одинцов, разливая еще по одной. – За него, майор, вы получаете приз и переходите на следующий уровень. Но сперва

еще раз выпьем. Такие новости на сухую обычно заканчиваются когнитивным диссонансом.

– Чем-чем? – непонимающе спросил я, отхлебнув вина.

Нет, слово такое я раньше слышал, приходилось. Только вот о смысле догадывался весьма приблизительно. Помню только, что этой болезнью болеют преимущественно офисные либералы и прочий протестный электорат. Не представляю себе, как эдакую гадость может подхватить целый майор морской пехоты…

– Когнитивный диссонанс, – сказал полковник, ставя свой стаканчик на стол, – это такое состояние сознания, при котором может наступить разрыв мозга по причине катастрофического несовпадения жизненного опыта субъекта с наблюдаемой картиной мира. Доступно?

– Кхм… вполне, – сказал я. – Никогда не был склонен рвать свой мозг, всегда старался действовать по обстоятельствам, а итоги подбивал только после того, как падал последний враг.

– Вот это-то в тебе и ценно, майор, – кивнул Одинцов. – Ты никогда не удивляешься, по крайней мере, никогда не показываешь этого внешне. Такого, как ты, мы искали по всем округам и флотам. Было еще три кандидата, но ты оказался почти на месте, что и решило дело. Наша операция – и так дело недешевое.

– Я понимаю, – сказал я.

– Ничего ты не понимаешь, – сказал полковник, – то, что ты сегодня видел – это было окно в июль сорокового. До начала войны еще одиннадцать месяцев. Мы не имеем права оставить все так, как было. Но все, черт возьми, имеет свою цену, которую лучше все же оплачивать деньгами, чем человеческими жизнями. Средства понадобятся огромные, в нашем бюджете столько просто нет. Задача твоя и твоих людей – пройти все временные площадки насквозь и четко их картографировать. Нам нужно выяснить, есть ли где-нибудь – или, точнее, когда-нибудь – такое место, где материальные ценности, собранные в кучу, находились бы в руках нехороших людей. Экспроприация экспроприаторов – дело достойное, а со стороны государства еще и законное. Как я уже говорил,

первый выход у тебя завтра. Задача почти учебная: интервал вероятностей лежит между тысяча восемьсот десятым и тысяча восемьсот пятьдесят пятым. Себя не обнаруживать. Если вдруг выяснится, что Наполеон идет к Москве или англо-французская армия штурмует Севастополь, то твое дело – лишь доложить, а конечное решение будут принимать совсем другие люди. Если тебе все понятно, давай еще по одной, и спать – завтра будет трудный день.

Часть 2

Разведчики времени

24 января 2017 года, Утро, Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача.

Майор морской пехоты Сергей Слонов.

С утра они позавтракали, тщательно побрились и отправились совершать свои подвиги во имя Родины. Раз-два. Попрыгали, ребята, попрыгали…

Для первого выхода «за речку» я взял первый взвод – самый опытный. Его командир старший лейтенант Астафьев начинал еще в 2008-м сержантом. Знаменитый рывок 58-й армии от Рокского туннеля к Цхинвалу. Был ранен, награжден, после излечения поступил в училище, которое закончил в 2013-м. В марте 2014-го в числе «вежливых людей» принимал участие в поддержании порядка в Крыму во время его воссоединения с Российской Федерацией. Говорят, что хоть раз раненый тигр стократ опаснее того, который не испытал еще чувства боли. Стас – добрейший человек, но никому не советую ему угрожать.

Перед выходом я просмотрел сводку погоды «с той стороны» – технари каким-то образом могут частично открывать проход, не подвергая себя риску. Температура +25, облачность легкая, влажность воздуха около 50 %, ветер 2–3 метра в секунду, западный, то есть с моря… Экипировка по фактической погоде: не хватало еще париться в зимних бушлатах на летней жаре. Да и снежно-серый камуфляж будет смешно смотреться в зеленом летнем кустарнике. Поэтому

формой одежды для нас будут лохматки «Кикимора» и разрисованные темно-зеленым гримом лица.

После того как мы попрыгали, проверяя, хорошо ли прилажено снаряжение, перед нами распахнулась дверь в знойное лето. Ребята попарно метнулись в проем – и тут же рассыпались по кустам, слились с местностью и затихарились, «осматриваясь в отсеках». Проход за нашей спиной закрылся с негромким хлопком, отрезая нас от теперь далекого будущего.

Я взял бинокль и внимательно осмотрел окрестности. Лето-то оно лето, только непонятно, какого года… Ясно только, что мы попали куда-то до 1912 года, потому что следов качинского аэродрома еще не видать. На месте поселка Кача лежит маленький хутор из двух домов, а дорога, проходящая параллельно берегу, из обычного для нашего времени сельского асфальта превратилась в узкий пыльный проселок, на котором едва могли разъехаться две телеги. На месте пгт Андреевка, примерно в четырех с половиной километров от нас, виднеется какое-то небольшое, явно татарское, селение, украшенное мечетью с небольшим минаретом. Примерно такой же аул находится на месте пгт Угловое. Поселка Солнечный на своем месте вообще нет. Нет и распаханных полей. Склоны гор, поросшие неровным кустарником и отдельно стоящими деревьями, речка Кача, что лениво блестит на солнце внизу на дне долины… И больше ничего.

И самое главное – ни одного столба с проводами: ни телеграфно-телефонного, ни электрического, никакого. Лепота. Точно XIX-й век, или даже раньше. Пока мы еще даже менее точны, чем теоретики, пора разбираться в вопросе предметно.

От взятия языка мы пока воздержимся, сказано же нам было – себя не проявлять. В здешней мирной идиллии каждый пропавший человек – это повод для расследования. И что они знают, эти пейзане… Хотя нет – мусульмане в этом смысле более грамотные. Какой год идет с момента бегства пророка из Мекки в Медину, знают все. Спроси, разбудив ночью – от зубов отскочит. Надо только помнить, что лунный мусульманский год примерно на 12 дней короче солнечного христианского, и поэтому простым сложением-вычитанием не обойтись, тут знаток нужен. Знатоки у нас есть, но мы все равно пока от такого экстрима воздержимся, а вот беспилотник запустить вполне можно, не зря же мы его сюда тащили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylovskiy_aleksandr/groza-protiv-barbarossy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити